

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В. Я. Гельман
Н. А. Добронравин
Б. И. Колоницкий
Д. Я. Травин

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В РОССИИ:
модели выхода**

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2012

УДК 329
ББК 66.69(2Рос)
П50

Гельман В. Я., Добронравин Н. А., Колоницкий Б. И., Травин Д. Я.

П50 **Политический кризис в России: модели выхода** / В. Я. Гельман, Н. А. Добронравин, Б. И. Колоницкий, Д. Я. Травин. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 56 с. — (Центр исследований модернизации).

Политический кризис, начавшийся в России после думских выборов в декабре 2011 г., вызывает множество комментариев. Аналитики стремятся осмыслить, чем он может закончиться, приведет ли к демократизации или, напротив, к укреплению авторитаризма. В работе специалистов Европейского университета в Санкт-Петербурге предложен сравнительный анализ опыта преодоления политических кризисов в различных обществах. Мы полагаем, что один из лучших способов понять происходящее в России сегодня — взглянуть на то, как разрешались кризисные ситуации в других странах. Или в нашей стране, но в другие эпохи.

Введение

После парламентских выборов декабря 2011 г. в России начался политический кризис, который вызвал широкую дискуссию. Предлагаемое вниманию читателей исследование выполнено профессорами и сотрудниками Европейского университета в Санкт-Петербурге. В нем представлена попытка оценить ситуацию на основе сравнительного анализа различных стран. Полагаем, что один из лучших способов понять происходящее в России — взглянуть, как разрешались похожие кризисы в других местах. Или в нашей стране, но в другие эпохи.

Сразу же следует заметить, что мы не ищем прямых аналогий. Каждая ситуация в чем-то уникальна. Она не может повториться со стопроцентной точностью в ином месте в иное время. Однако если разные страны в ходе модернизации стремятся к решению сходных проблем, то, значит, есть некий ограниченный набор «инструментов», с помощью которых можно выйти из кризиса. Эти «инструменты» так или иначе срабатывали в прошлом, поэтому их нужно изучить и посмотреть, что может оказаться действенным в нашей ситуации. При каких обстоятельствах, образно выражаясь, старое здание демонтируется топором или ломом, а при каких — отверткой или пинцетом.

В 1990-е гг. такого рода сравнительные исследования были часто посвящены проблемам выхода из экономического кризиса. Эксперты на основе опыта прошлых лет выясняли, к примеру, добились ли успеха те страны, которые осуществляли финансовую стабилизацию, или же те, которые стимулировали рост высокими государственными расходами и денежной эмиссией.

Сегодня нам следует понять, какие страны и при каких обстоятельствах успешны политически. Те, где власть определенным образом смягчает ре-

жим? Или те, где она идет на переговоры с оппозицией? Или же те, где прерывающийся режим тверже держится за штурвал, не подпуская к нему другие команды?

При этом нам представляется, что ситуация зависит не только от желания властей повернуть тем или иным образом ход событий. Она зависит от ряда объективных обстоятельств — экономической ситуации, предшествовавшего исторического пути и соотношения сил различных групп, имеющих свои интересы. Она зависит от состояния дел в лагере оппозиции. Она зависит даже от господствующих в обществе представлений о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

Логика построения нашей работы следующая. Мы рассматриваем поочередно ряд моделей выхода из политического кризиса, названных в соответствии со страной, взятой для анализа. Модели эти различаются в зависимости от того, какой курс выбирают власти. Однако внутри каждого раздела анализируются объективные и субъективные причины, в силу которых был избран именно такой вариант преодоления кризиса. Мы пытаемся выяснить, характерны ли данные обстоятельства для нашей сегодняшней ситуации.

Начинается анализ с моделей, при которых власть оказывается в наибольшей степени готова к трансформации политического режима, а завершается моделями, при которых она в максимальной степени стремится законсервировать ситуацию.

Власть готова идти на переговоры с оппозицией, и в результате происходит демократическая трансформация режима: **«Польская модель»**.

Власть превентивно трансформирует режим, надеясь сохранить свои позиции в новых условиях, но потом теряет контроль над процессом:

«Корейская модель»: попытка победить на выборах за счет осуществления преобразований в собственном лагере;

«Бразильская модель»: попытка сымитировать двухпартийную систему при маргинализации несистемной оппозиции.

Власть формирует однопартийную систему, при которой внешнее соблюдение демократии не мешает ей доминировать: **«Мексиканская модель»**.

Власть ничего не стремится менять, и трансформация начинается лишь при смене поколений политических лидеров: **«Советская модель»**.

Власть ничего не стремится менять, что в кризисной ситуации приводит к революции и развалу государства: **«Российская (1917 г.) модель»**.

Несколько особняком стоит **«Германская модель»**, завершающая исследование. В этом разделе мы попытались проанализировать актуальный для сегодняшней России вопрос: при каких условиях слабая демократия, установившаяся на развалинах авторитарного режима, может уступить место более жесткому режиму — тоталитарному? Иначе говоря, не будет ли от демократизации хуже?

И в самом конце текста мы предлагаем читателю общие выводы, вытекающие из анализа конкретных моделей. Данный раздел сводит воедино части исследования, посвященные отдельным странам, и позволяет, надеемся, сформировать общее представление о перспективах развития политического кризиса.

Авторский коллектив данного исследования состоит из четырех человек:

Гельман В. Я. — кандидат политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Хельсинкского университета, исполнительный директор Центра исследований модернизации ЕУСПб. Автор разделов: «Корейская модель», «Мексиканская модель», Заключение. E-mail: gelman@eu.spb.ru

Добронравин Н. А. — доктор филологических наук, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб. Автор раздела: «Бразильская модель». E-mail: sokoto95@yandex.ru

Колоницкий Б. И. — доктор исторических наук, первый проректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор ЕУСПб, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Автор раздела: «Российская (1917 г.) модель». E-mail: kolon@eu.spb.ru

Травин Д. Я. — кандидат экономических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный руководитель Центра исследований модернизации ЕУСПб. Автор разделов: Введение, «Польская модель», «Советская модель», «Германская модель». E-mail: dtravin61@mail.ru

Польская модель

После Второй мировой войны СССР навязал Польше коммунистический режим, что обусловило длительное противостояние власти и общества. Долгое время перевес был явно на стороне власти, однако в определенный момент возникла ситуация, во многом напоминающая то, что происходит сегодня в России.

Почему неудобно сидеть на штыках

В самом начале 1980-х гг. по всей Польше развернулось массовое протестное движение. Надо сказать, что организовано оно было значительно лучше, чем современное протестное движение в России. Поляки сформировали мощный профсоюз «Солидарность», пользовавшийся поддержкой церкви и интеллигенции. Фактически он превратился из организации, отстаивающей экономические права рабочих, в серьезную общественно-политическую структуру. Вокруг «Солидарности» группировались люди как с правыми, так и с левыми взглядами, однако в своем противостоянии коммунистическому руководству страны они были значительно более сплоченными, нежели наши нынешние оппозиционные лидеры.

По сути, действия «Солидарности» представляли собой непрерывающийся «марш миллионов». И тем не менее подавить оппозицию оказалось нетрудно. 13 декабря 1981 г. премьер-министр и министр обороны Польши генерал Войцех Ярузельский ввел военное положение, «Солидарность» запретил, а ее активистов отправил в места, не столь отдаленные, как Магадан, однако крайне неудобные для политического руководства оппозицией.

Если кто-то думает, будто сильная власть не может подавить многомиллионное оппозиционное движение, — он глубоко заблуждается. Польский пример показывает: может запросто. Другое дело, что это не решает сути проблем. Наоборот, усугубляет, поскольку власть, кардинальным образом разошедшаяся с обществом, оказывается неспособна к конструктивным действиям. Особенно в экономике — важнейшей сфере, от которой в долгосрочной перспективе зависит, станут ли поддерживать власть ее самые преданные сторонники.

Беда военного режима состояла в том, что польская экономика лежала в руинах. Во-первых, потому, что социалистическая хозяйственная система в принципе была неэффективной и порождала дефициты самых разных товаров. Во-вторых, потому, что забастовочное движение парализовало даже ту экономику, которая раньше худо-бедно работала.

Ярузельский, бесспорно, не был тупым охранителем. Он пытался осуществлять экономические преобразования по принципу «сначала успоко-

ние, потом реформы». Но генерал постепенно столкнулся с двумя серьезными проблемами.

Во-первых, общество не хотело принимать от непопулярной власти непопулярные меры. А без них экономику было не поднять. Многие это осознавали, но не стремились затягивать пояса ради укрепления режима Ярузельского. Другие же вообще не понимали необходимости болезненных реформ, полагая, будто все трудности связаны с тем, что Польшей правит антинародная власть.

Во-вторых, коммунистические экономисты готовы были пойти лишь на половинчатые преобразования, уже продемонстрировавшие свою ограниченность в Венгрии и Югославии. Надо было осуществлять полную рыночную трансформацию, но к столь радикальным решениям власть оказалась не готова. То ли по причине некомпетентности, то ли из-за боязни грозного советского окрика, то ли в связи с собственной идеологической зашоренностью.

И вот получалось, что в ответ, скажем, на повышение цен вновь разворачивалось забастовочное движение, требовавшее денежных компенсаций. А как только власть бралась за денежную накачку, так сразу теряли смысл всякие половинчатые реформаторские действия, поскольку прилавки пустели и экономические стимулы переставали работать.

Постепенно и власти, и оппозиции, и широким слоям общества стало ясно, что это убогое экономическое существование не реформируемо без преобразований политических. А когда Горбачев дал волю «младшим братьям» Советского Союза, Ярузельский потерял какое бы то ни было моральное обоснование для сохранения своего режима. Наверное, он мог бы сидеть на штыках еще некоторое время, но делать это было крайне неудобно. А кроме того, становилось очевидно, что подобная политика не дает никаких перспектив низам и нужна верхам лишь для сохранения собственной власти.

Похожа ли ситуация в современной России на Польшу 1980-х?

С одной стороны, наша экономика позволяет наполнять прилавки и даже реально повышать благосостояние части общества. В этом смысле не стоит ожидать, что Путин будет испытывать такие же неудобства со своими «штыками», какие были у Ярузельского. Общественная поддержка Путина при всех пресловутых фальсификациях значительно выше, чем та поддержка, что была у Ярузельского.

С другой стороны, перед нами стоит угроза масштабного экономического кризиса. При сильном и долгосрочном падении цен на нефть Путин может столкнуться с протестом не только столичных интеллектуалов, но и широких слоев рабочих и служащих, которым нечем станет кормить свои семьи.

При всей своей внешней прочности путинский режим внутренне чрезвычайно шаток. Он не сможет укрепить экономику с помощью каких-либо

преобразований, даже если вдруг всерьез захочет это сделать. Реформы потребуют значительного промежутка времени, а самое главное — непопулярных действий, способных раскачать и без того взрывоопасную ситуацию.

Например, для улучшения инвестиционного климата, о чем сейчас так много говорится, потребуется, как минимум, реформировать всю правоохранительную систему, что явно не сделать за несколько лет. А кроме того, придется наступить на интересы коррумпированной бюрократии, без поддержки которой Кремлю трудно будет получать на выборах нужные результаты.

Для спасения Пенсионного фонда, давно уже дышащего на ладан, понадобится повышать пенсионный возраст либо коренным образом перераспределять бюджетные деньги в пользу старших поколений, отнимать их у ВПК, слаборазвитых регионов или сферы образования. Любой из этих вариантов породит множество недовольных, а, значит, скорее всего будет отвергнут нынешней российской властью.

Поэтому при отказе от политических ходов (с их помощью можно было бы расширить ту социальную базу, на которую опирается Кремль) Путину останется лишь пассивно ждать очередных изменений конъюнктуры мирового рынка энергоносителей и молить Бога, чтобы цены на нефть были как можно выше.

В этом смысле при всех различиях экономик старой Польши и современной России социально-политические последствия могут оказаться схожими. Но могут ли оказаться схожими модели поведения власти и оппозиции? Польша добилась тогда выдающегося компромисса и мягкой трансформации режима. Для того чтобы оценить, способна ли на это нынешняя Россия, нам надо понять, как была устроена польская оппозиция 1980-х.

Почему с оппозицией нужно считаться

Почему же, обратившись к оппозиции, власть нашла в ней вполне подходящего партнера для переговоров?

Можно выделить несколько моментов, отличавших в этом смысле Польшу от тех стран, где власть и оппозиция не могут мирно договориться между собой.

Во-первых, в Польше существовало традиционно мощное рабочее движение, желающее и умеющее выступать против власти. Именно оно лежало в основе протестов 1980-х. Правительство боялось не столько того, что на улицы Варшавы выйдут «травоядные» интеллигенция и студенты, сколько того, что рабочие судовой, шахт, металлургических, машиностроительных и текстильных предприятий прекратят работу. Более того, власти к 1980-м годам уже знали, что забастовки могут соединиться с погромами партийных комитетов, магазинов, общественных зданий. В достопамятном конфликте

начала 1970-х, возникшем из-за повышения цен на продукты, было много погибших и раненых, что, естественно, приходилось принимать во внимание спустя десятилетие.

Во-вторых, польская оппозиция была достаточно четко структурирована. Лидером профсоюза «Солидарность» стал гданьский электрик Лех Валенса. Это был яркий, харизматичный, хотя малообразованный и авторитарный по своим замашкам человек. Явные минусы в фигуре «великого электрика», как начали в шутку называть Валенсу, сочетались с явными плюсами. Однако главным было то, что власть четко понимала, кто ведет за собой многомиллионные массы, и соответственно в случае выхода на переговоры знала, с кем их можно проводить. Ведь нет никакого смысла о чем-то договариваться с лидерами оппозиции, которые примут на себя определенные обязательства, а потом вдруг скажут: простите, но народ нас не слушается. Валенса же мог до поры до времени убеждать широкие массы в том, в чем был убежден сам.

В-третьих, польским интеллектуалам во второй половине 70-х гг. прошлого века удалось установить дружественный контакт с рабочими. Сделать это было нелегко, поскольку традиционно между ними особой любви не наблюдалось. И среди польских провинциалов, наверное, немало было таких, как Игорь Холманских, готовых явиться в столицу и навести порядок среди протестующих. Но в тот момент, когда бастующим и репрессированным пролетариям понадобилась поддержка (деньгами, советами, адвокатами), варшавские интеллектуалы Яцек Куронь и Адам Михник создали Комитет защиты рабочих. Он за несколько лет сделал достаточно, чтобы растопить лед недоверия и побудить верхушку «Солидарности» принять помощь интеллектуалов в осуществлении реформ.

В-четвертых, большую роль в налаживании контактов между властью и оппозицией сыграла католическая церковь. Она обладала большим авторитетом в народе, значительно усилившимся с 1979 г. благодаря тому, что польский кардинал Кароль Войтыла стал римским папой Иоанном Павлом II. В то же время церковь не подстраивалась под власть с целью получить как можно больше материальных благ, а серьезно интересовалась судьбой своей страны, стремясь содействовать формированию хотя бы относительного единства в расколотом на противостоящие группировки обществе.

В-пятых, само польское общество при всей его разобщенности постоянно помнило о важности национального единства. С одной стороны, это определялось многовековой трагической судьбой народа, который соседние великие державы делили между собой как хотели. С другой — многолетняя зависимость от восточной тоталитарной державы культивировала миф о прекрасной Европе, куда надо вернуться, отвергнув все советское — административную экономику, коммунистическую диктатуру, всеислие промосковских спецслужб. Поляки не отвергали демократию как чуждую их

национальной культуре выдумку, а, напротив, полагали, что разрыв с европейской демократической традицией (помимо всего прочего) обусловил убогость той жизни, какой им приходилось жить в 1980-е.

В сегодняшней России мы не имеем почти ничего из вышеприведенного списка польских условий формирования сильной оппозиции. Протест пока в основном ограничивается мирными демонстрациями благополучных столичных жителей. Рабочие и интеллигенция чужды друг другу. Лидеры оппозиции практически никогда не спускаются в пролетарскую среду. Более того, они произносят порой странные тезисы о том, что им не нужно единое лидерство, не нужно четкое структурирование. Церковь откровенно сервильна, она либо дистанцируется от политики, либо обслуживает интересы власти. И, наконец, российская идентичность скорее имперская, чем европейская. Для многих воодушевляющими ценностями являются сохранение единой и неделимой России, жесткое противостояние американцам, укрепление вооруженных сил, а не вхождение в объединенную Европу.

Соответственно, Кремль имеет возможность раскалывать оппозицию и играть на противоречиях ее отдельных групп. Вместо переговоров власть маргинализирует активную часть оппозиции, презрительно именуя ее бандерлогами.

Экономический кризис, конечно, может качественно изменить расстановку сил, пробудив различные слои общества к протесту. Однако нет пока ответа на вопрос: смогут ли лидеры оппозиции объединить эти слои и заставить власть считаться с обществом?

Если вражда между левыми и правыми, рабочими и интеллигенцией, столицами и провинцией останется более сильной, чем общее неприятие правящего режима, то польский сценарий в России не реализуется. Однако в том случае, если власть будет делать все новые ошибки, раздражая общество (вроде рокировки «Путин — Медведев», совершенной в преддверии выборов 2011–2012 гг.), противостояние верхов и низов непременно усилится.

Не устроила бы в свое время группа ответственных, но недальновидных товарищей путч и не создала бы знаменитый ГКЧП — Советский Союз мог бы вполне еще какое-то время просуществовать. А так события августа 1991 г. внезапно показали народу, что тигр — бумажный и бояться его не следует.

Сегодня от власти можно ожидать чего-то подобного. Ошибки Кремля в основном сводятся к равномерному принижению всех несогласных и опоре лишь на откровенных марионеток. В итоге нарастает число обиженных даже среди тех политиков и деятелей культуры, которые еще вчера предпочли бы быть союзниками Кремля. Движение по такому пути — это движение к «Солидарности».

Среди польских оппозиционеров 1980-х были и левые популисты из рабочих, и экономисты — сторонники шокоотерапии. Католические консервато-

ры перемежались там с приверженцами европейской толерантности. Политики, как огня боявшиеся советского «старшего брата», стояли в одном ряду с теми, кто главной угрозой для Польши традиционно считал Германию. Но в некий момент все сочли, что о разногласиях надо забыть до тех пор, пока не рухнет режим. И тогда режим действительно рухнул.

Как возникает переговорный процесс

Итак, мы выяснили следующее: с одной стороны, польская власть постепенно пришла к выводу, что эффективно управлять обществом, игнорируя оппозицию, она не сможет, с другой — оппозиция смогла себя поставить таким образом, что власть признала в ней серьезного партнера для переговоров. Теперь вставал главный вопрос: о чем переговариваться?

Глубоко ошибается оппозиция, которая считает, будто бы с властью можно вести переговоры о том, чтобы она собрала вещи и вдруг исчезла, оставив бразды правления более достойным людям. Но столь же глубоко ошибается власть, полагающая, будто серьезную, влиятельную оппозицию можно использовать для решения своих проблем, обещая взамен лишь подачки, а не реальное участие в управлении страной. Польская история показала, как в ходе переговоров происходит сближение позиций сторон и выработка компромисса.

Поначалу для Ярузельского было важно остановить забастовки, мешавшие осуществлению экономических реформ. Вновь заходить на силовой сценарий с подавлением «Солидарности» и введением военного положения казалось опасным, поскольку так экономика могла совсем развалиться. Гораздо привлекательнее выглядело использование авторитета Валенсы для стабилизации положения. Однако в благодарность за поддержку «Солидарности» надо было что-то ей пообещать. Так возникла идея переговоров — «круглого стола», который должен был определить будущее политическое устройство страны.

Вероятно, если бы власть подозревала, чем кончится попытка манипулировать оппозицией, она вообще не пошла бы ей навстречу. Но просчитать, сколь быстро изменится ситуация в стране, никто не мог. В итоге начался процесс демократизации, который, как вскоре выяснилось, было уже не остановить.

«Круглый стол», проходивший в феврале — апреле 1989 г., завершился решением о проведении относительно свободных выборов. При коммунистическом режиме выборы представляли собой лишь имитацию, ведь настоящая оппозиция к ним вообще не допускалась. Теперь же власть зарезервировала для себя большинство мест в Сейме (нижней палате парламента), однако полностью демократизировала Сенат (верхнюю палату). «Солидарность» согласилась с этим.

Казалось бы, при подобном раскладе ничто не предвещало кардинальных перемен. Но ситуация в стране быстро менялась, а потому диалог власти и оппозиции, раз начавшись, должен был продолжаться дальше.

«Солидарность» при полной поддержке народа смогла взять на выборах максимум возможного. Тем не менее она не имела большинства в Сейме. Естественно, Ярузельский предложил сформировать правительство своему человеку — генералу Чеславу Кищаку. Тот согласился, однако для того, чтобы не повторялась старая ситуация жесткой конфронтации, попытался заручиться поддержкой авторитетных лидеров оппозиции — Яцека Куроня и профессора Бронислава Геремека. Но вот неожиданность — они отказались и тем самым поставили генерала перед альтернативой: то ли вновь сидеть на штыках, то ли подавать в отставку.

Кишак выбрал второе. Тем временем отношения власти и общества становились все более напряженными. Валенса справедливо обвинял коммунистов во все усиливающихся экономических трудностях. Появились перебежчики из властного лагеря в оппозиционный, и результаты прошедших выборов вдруг стали гораздо более привлекательными для «Солидарности».

Адам Михник выдвинул тезис: «Ваш президент, наш премьер». Тем самым у Ярузельского, казалось бы совсем припертого к стенке, появилось новое пространство для маневра. Он согласился стать главой государства, но предоставил Валенсе возможность выдвинуть своих кандидатов на пост главы правительства. Лидер «Солидарности» предложил Куроня, Геремека и католического журналиста Тадеуша Мазовецкого. Ярузельский выбрал последнего, как наименее для себя неприемлемого. А Мазовецкий, оказавшийся настоящим либералом, двинул Польшу в сторону рынка и демократии.

Старый режим рухнул. На объявленных через год президентских выборах Ярузельский не имел никаких шансов против Валенсы, а потому просто отказался в них участвовать. Процесс демократизации завершился.

Мы видим, что старый режим не рушился одномоментно. На каждом новом этапе политического процесса он продолжал цепляться за власть, и все-таки ему приходилось уступать в той мере, в какой его вынуждала к этому меняющаяся ситуация. Подобная мирная трансформация хороша для общества в целом и для оппозиции. Хороша она и для представителей старого режима, поскольку дает им возможность вернуться в большую политику при перемене симпатий избирателей. Так, в частности, реформированные польские коммунисты потом становились и президентами (Александр Квасьневский), и премьерами (Лешек Миллер), и маршалами Сейма (Юзеф Олекс). Однако применительно к современной России можно говорить о двух серьезных проблемах, которые могут сделать невозможным переговорный процесс.

Во-первых, нет уверенности в том, что наша оппозиция будет представлять для власти интерес в качестве ответственного переговорщика.

Во-вторых, нет уверенности в том, что власть вообще будет готова идти на частичное смягчение режима, понимая, чем может завершиться для нее трансформационный процесс. Особенно с учетом того, насколько коррумпированы высшие эшелоны власти и как велика вероятность того, что демократия рано или поздно призовет их к ответу.

В последнее время за рубежом возникла очень опасная, хотя внешне чрезвычайно привлекательная тенденция преследования авторитарных лидеров прошлого за те преступления, которые они совершили. Формально нельзя ничего возразить против того, что «вор должен сидеть в тюрьме». И вот два бывших президента Южной Кореи — Чон Ду Хван и Ро Дэ У — оказались осуждены за коррупцию. Практически до самой своей смерти преследовался чилийский генерал Аугусто Пиночет. Сербский лидер Слободан Милошевич умер в тюрьме Гаагского трибунала. Руководитель ГДР Эрих Хонеккер скончался в изгнании. И, наконец, Войцех Ярузельский лишь недавно был освобожден от судебного преследования в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья.

Возникает вопрос: пойдут ли при таком подходе авторитарные лидеры навстречу обществу, смягчая режим, или же будут держаться у власти до последнего, нанося при этом колоссальный ущерб своим странам? Вполне возможно, что в России, где существует устойчивая тенденция коррумпированности верхов, но нет традиции честного соблюдения каких-либо договоренностей, власть станет из всех сил сопротивляться мягкой трансформации режима. Ведь Путин явно не захочет повторить судьбу Ярузельского или тем более Хонеккера, трагедия которого разворачивалась в ГДР прямо у него на глазах.

Корейская модель

Опыт демократизации Южной Кореи во многом необычен: страна, разделенная многолетней войной и испытавшая невиданный экономический бум, смогла относительно быстро, хотя и драматично перейти от военного режима к конкурентному политическому устройству. Как и почему в Южной Корее установилась демократия и чем ее опыт полезен для сегодняшней России?

Уроки диктатуры

Важнейшим событием корейской истории стала война 1950–1953 гг. между Севером и Югом. На стороне одних тогда выступили СССР и Китай, на стороне других — США. В этой войне погибло не менее 2,5 млн человек,

и официально она не закончена и по сей день — было лишь подписано перемирие, по которому Корея оказалась разделена на два государства. Помимо глубокой травмы для всей страны, война повлекла за собой массивное военное присутствие США в Южной Корее на протяжении всего периода холодной войны. Американцы были заинтересованы в стабильности режима на Юге Корейского полуострова и потому поддерживали лояльных им диктаторов. В свою очередь, угроза с Севера легитимировала в глазах многих южнокорейцев силовые методы правления.

Первым президентом Южной Кореи после провозглашения независимости в 1948 г. был Ли Сын Ман, герой многолетней борьбы за независимость страны от Японии, жесткий антикоммунист и ключевая фигура сопротивления Северу во времена войны. При его правлении за фасадом лозунгов о «суверенной демократии» южнокорейского образца (риторика, хорошо знакомая россиянам) скрывался слабо прикрытый авторитарный режим, жестко подавлявший своих противников. Весной 1960 г., в ответ на сопровождавшееся массовыми фальсификациями переизбрание Ли Сын Мана на четвертый президентский срок, в Сеуле и других городах страны вспыхнули студенческие беспорядки («апрельская революция»), которые приобрели массовый характер. В итоге 85-летний Ли Сын Ман вынужден был бежать из страны, и власть на короткое время перешла к оппозиции. В Южной Корее воцарился хаос, управление страной оказалось полностью парализовано, национальная валюта была наполовину девальвирована, и на фоне нестабильности в 1961 г. к власти пришли военные.

Путч, который возглавил генерал Пак Чон Хи, не встретил массового сопротивления в южнокорейском обществе, переживавшем глубокий кризис. Спустя два года Пак Чон Хи победил на президентских выборах и позднее был переизбран на новый четырехлетний срок. Затем под сильным давлением парламент страны поменял конституцию, позволив Пак Чон Хи баллотироваться на третий срок. После чего генерал, вновь придя к власти, объявил чрезвычайное положение, распустил парламент и провел через референдум новую конституцию Южной Кореи. Помимо прочего, всеобщие президентские выборы были отменены, срок полномочий главы государства продлен с четырех до шести лет, при этом число самих сроков не ограничивалось.

Именно во времена правления Пак Чон Хи Южная Корея пережила беспрецедентный рост экономики, известный как «корейское экономическое чудо». Ее основой стали мощные финансово-экономические конгломераты — чеболи, управлявшиеся семьями «олигархов», но тесно связанные с государством, поддерживаемые и спонсированные правительством. Их названия — Hyundai, Daewoo, Samsung — позднее превратились в мировые бренды: Южная Корея за два десятилетия проделала путь от слаборазвитой аграрной страны до индустриальной державы и мирового лидера в ряде от-

раслей. «Олигархи» начали играть важную роль в управлении государством: правительство и большой бизнес в Южной Корее представляли собой «взаимных заложников».

Казалось, что правлению Пак Чон Хи угрожают лишь внешние вызовы: противостояние с Севером не прекращалось, и диктатор пережил две попытки покушения, организованного северокорейцами (в ходе одного из них погибла супруга лидера). Но главные риски для авторитарных правителей часто исходят от их окружения: Пак Чон Хи не был исключением. В октябре 1979 г., на фоне растущего недовольства диктатором и усиления конфликтов в руководстве страны, Пак Чон Хи был застрелен начальником службы безопасности Южной Кореи.

Вслед за этим начался новый раунд борьбы за власть, и решающим аргументом в нем стала военная сила: в результате переворота у руля страны оказался другой генерал — Чон Ду Хван, который ввел чрезвычайное положение. В ответ в 1980 г. вспыхнула новая серия массовых беспорядков. Наиболее крупные студенческие выступления в городе Кванджу были жестоко подавлены войсками (в их ходе погибло до 2000 участников).

Находясь во главе государства, Чон Ду Хван вновь менял конституцию Южной Кореи. Он продлил президентские полномочия до семи лет, но ограничил их одним сроком. Однако, в отличие от времен Пак Чон Хи, когда экономический рост оправдывал авторитаризм в глазах многих южнокорейцев, при Чон Ду Хване ситуация менялась. Модернизация, которую пережило южнокорейское общество за два десятилетия, привела к тому, что запрос на перемены со стороны граждан начал расти, а ответом на репрессии стало нарастание сопротивления режиму и внутри страны, и за пределами.

Нечто подобное мы видим и в сегодняшней России: на митинги протестов против авторитаризма выходят как раз те, кто стал бенефициариями достигнутого при нем экономического роста — граждане «перерастают» авторитарный режим, который становится жертвой собственных успехов.

Игра на опережение

Под давлением оппозиции Чон Ду Хван заявил о намерении провести всеобщие выборы президента Южной Кореи, но всячески затягивал внесение поправок в конституцию, а затем и вовсе отложил этот шаг до проведения в 1988 г. в Сеуле Олимпийских игр. Весной 1987 г. Чон Ду Хван заявил о том, что его преемником на посту главы государства вскоре станет другой генерал и ближайший соратник — Ро Дэ У, возглавлявший на тот момент подготовку к Олимпиаде.

Это заявление спровоцировало новый всплеск массового протеста. Но в отличие от ряда прежних выступлений против режима, к ним присоеди-

лись куда более широкие круги: волна сопротивления оказалась поистине всенародной. Во-первых, поднялась новая, намного более мощная, чем раньше, волна студенческого движения. Во-вторых, оживились профсоюзы, и по всей Южной Кореи, где доселе не было серьезных забастовок, прокатилась большая забастовочная волна, насчитывавшая более 300 тыс. человек. Наконец, протестующих поддержали прежде лояльные режиму представители христианских церквей — и протестанты, и католики подняли свой голос против режима. В ходе подавления очередного студенческого выступления полиция убила одного из активистов. Его похороны в июне 1987 г. обернулись невиданной массовой демонстрацией, когда на улицы вышло около 1,5 млн участников. Несколько протестных течений, даже не вступая в формальную коалицию, слились в единый поток, основанный на «негативном консенсусе» против сохранения статус-кво.

К этому моменту выбор вариантов действий для властей был ограничен. Силовое подавление южнокорейского «марша миллионов» оказалось уже невозможным, в том числе и из-за нежелания «терять лицо» в преддверии Олимпиады, и из-за нежелания властей нарваться на новые конфликты в военном руководстве. Усилилась и критика южнокорейских лидеров со стороны США, опасавшихся роста военной нестабильности в регионе. Тянуть с политическими реформами было уже нельзя, и в итоге был предпринят нестандартный шаг: южнокорейские власти сами начали и возглавили процесс демократизации. К такому решению их подталкивали и «олигархи», не без оснований полагавшие, что протесты нанесут ущерб экономическому благополучию страны и их собственному богатству.

После трехнедельной серии массовых протестов была принята новая конституция Южной Кореи и объявлены всеобщие президентские выборы, на которых осенью 1987 г. победил Ро Дэ У, выдвинутый правящей партией. Оппозиция не смогла выставить против него единого альтернативного кандидата и потому проиграла. Ро Дэ У оказался куда более гибким политиком, нежели его современник Михаил Горбачев. Он сыграл (безусловно, под давлением оппозиции) на опережение и выиграл время. Горбачев же промедлил, и ситуация вышла у него из-под контроля, а вскоре он лишился власти.

Выборы 1987 г., позволившие прежней элите сохранить власть, привели к тому, что в Южной Кореи появилась многопартийность: новые демократические «правила игры» были приняты и представителями старых правящих групп, и их противниками. Более того, в свою бытность президентом страны Ро Дэ У смог добиться объединения своей партии с одной из двух ведущих оппозиционных сил, а бывший лидер оппозиции — Ким Ен Сам — стал преемником Ро Дэ У и одержал победу на состоявшихся в 1992 г. новых президентских выборах. И хотя прежняя южнокорейская элита не смогла надолго удержать бразды правления (Ро Дэ У был осужден по обвинениям

в коррупции, а Чон Ду Хван предстал перед судом по обвинениям в массовых репрессиях в Кванджу, правда, в конце 1997 г. оба были помилованы), наследники авторитарного режима по-прежнему остаются на южнокорейской политической сцене. Да и чеболи, несмотря на серию коррупционных скандалов и отставок ряда их руководителей, по сей день определяют лицо южнокорейской экономики. После 40 лет авторитарного правления Южная Корея уверенно пошла по пути демократии, хотя этот путь отнюдь не был усыпан розами.

Южнокорейский опыт учит нас тому, что не всегда авторитарные режимы держатся до последнего за сохранение прежнего порядка и порой могут сами инициировать перемены, даже выиграть от их проведения. Но такое развитие событий возможно лишь тогда, когда давление на власть со стороны оппозиции оказывается достаточно сильным, а лидеры режимов обладают достаточной гибкостью для политического маневра.

Конечно, прямые параллели с сегодняшней Россией кажутся неуместными. Мы едва ли можем представить себе, что в ближайшие годы, например, Путин под давлением оппозиции уступит свой пост, скажем, Сергею Собянину, который победит на конкурентных выборах главы государства, после чего «Единая Россия» объединится с партией «РПР-ПАРНАС», чтобы на очередных президентских выборах выдвинуть в качестве преемника, например, Михаила Касьянова.

Однако подобное развитие событий представлялось невероятным вплоть до начала 1987 г. и в Южной Корее. Оно стало возможным в силу удачного совпадения интересов самых разных сил — от «олигархов» до международной общественности — и в итоге привело к быстрой трансформации диктатуры в демократию. Будущее покажет, в какой мере этот опыт окажется востребован в России.

Бразильская модель

В Бразилии широко распространено мнение об относительной мягкости местной политической культуры. По сравнению с другими странами Латинской Америки бразильские авторитарные режимы XX в. действительно могут показаться почти демократическими.

«Единая Бразилия» и «Справедливая Бразилия»

Впервые авторитарный режим установился в Бразилии после революции 1930 г., когда власть в стране захватил президент Варгас. После войны диктатор был свергнут, и началась демократизация. Однако на выборах 1951 г.

Варгас снова пришел к власти, теперь уже демократическим путем. Он возглавлял страну до 1954 г., но вдруг покончил жизнь самоубийством. Его идеи унаследовала Трabalьистская партия. По-португальски «трabalьистами» называют и британских лейбористов; бразильский же трabalьизм сами бразильцы иногда описывали как «смуглый социализм».

В 1964 г. военные совершили переворот, направленный против подрывной деятельности и коррупции. Почти все генералы, возглавлявшие страну после «революции 31 марта», участвовали еще в перевороте 1930 г. и, как и Варгас, происходили из южного штата Риу-Гранди-ду-Сул. Прежде всего они были националистами, желавшими превращения Бразилии в великую державу.

Все политические партии были запрещены. Вместо них появились «Союз национального обновления» (ARENA) и «Бразильское демократическое движение» (MDB). В двухпартийной системе роль партии власти была отведена ARENA.

Эта система во многом напоминает нынешнюю российскую: происхождение правящей группировки из одного региона, появление партии власти и созданной самой же властью оппозиции, безыдейность обеих ведущих политических сил...

До конца военного режима ARENA всегда побеждала. Для региональных «касиков» (лидеров местных политических элит) оппозиция, постоянно терпевшая поражение на выборах, казалась все менее привлекательной. Неудивительно, что это едва не привело MDB к самороспуску. Кризис официальной оппозиции, которой не дают никогда стать партией власти, тоже картина, близкая современной России.

В экономике военные перешли к поощрению государственного сектора, развитию нефтедобычи, экспорту военной техники. Доходы возросли. При диктатуре стали лучше жить не только высшие офицеры и близкие к ним политики, но и часть среднего класса. Похожим образом развивалась и Россия в последние 12 лет.

Однако успехи не могут быть постоянными. «Бразильское экономическое чудо» в значительной мере было обеспечено за счет накопления внешнего долга. Некоторые государственные проекты оказались экономически непродуманными, например, строительство дорог «ниоткуда в никуда» в Амазонии. Развитию страны препятствовали колоссальный разрыв между штатами, вырубка лесов, засуха, социальные и расовые предрассудки, а также споры между монетаристами, выступавшими за стабилизацию экономики, и структуралистами, считавшими инфляцию неизбежным спутником роста.

Кризис породил демократизацию

«Чудо» оказалось недолговечным. Развитие энергетики отставало от потребностей страны. Нефтяные кризисы 1973 и 1979 г. дважды заметно сказались на национальной экономике. Рост ВВП замедлился, а инфляция и внешний долг увеличивались все быстрее. На этом фоне в 1974 г. началась «абертура» (планомерное «открытие» политических свобод под контролем военных).

Бразильские и российские ученые до сих пор спорят о том, что именно привело к «абертуре» — проблемы в экономике, конфликт между сторонниками жесткой линии и более умеренными генералами, недовольство среднего класса, ухудшение отношений с США или сразу несколько причин. Во всяком случае, можно утверждать, что трансформация режима произошла не под влиянием какой-либо яркой личности в вооруженных силах или из числа внесистемных оппозиционеров. В отличие от России «нулевых годов», ни один военный или гражданский политик не мог всерьез претендовать на лавры национального лидера; ни Чавеса, ни Манделы в Бразилии не нашлось.

Бразильская оппозиция тогда напоминала нынешнюю российскую, но верхний эшелон власти был более раздробленным, чем в современной России. Впрочем, определенное сходство с нашей страной состоит в том, что начавший «абертуру» генерал Гейзел был тесно связан с госкорпорациями в сфере энергетики: до своего президентства он возглавлял крупнейшую нефтяную компанию Petrobras (госкорпорациями генералы руководили сами, либо давали порулить лояльным политикам из ARENA, например, губернаторам штатов).

На посту президента Гейзел выступал за «ответственный прагматизм» и не собирался создавать льготные условия для оппозиции. Чтобы уменьшить и без того незначительное влияние MDB, были объединены два «оппозиционных» штата и увеличено представительство малонаселенных штатов в Национальном конгрессе. А тем временем недовольство нарастало и «Справедливая Бразилия» стала добиваться успехов, которых власть от нее не ожидала. В 1978 г. MDB удалось победить на дополнительных выборах в Сенат и завоевать 165 из 364 мест в Палате депутатов.

На президентских выборах 1978 г. победил генерал Фигейредо. Последний глава военного режима не был демократом и прославился заявлением «я предпочитаю конский запах запаху народа». От MDB был выдвинут «антикандидат» — генерал Монтейро, набравший почти 40% голосов.

В 1979 г. была объявлена политическая амнистия (к этому времени в Бразилии насчитывалось около 100 политзаключенных, амнистия коснулась и примерно 150 политэмигрантов); был принят новый закон о партиях. «Либерализация» была противоречивой, как нынешняя российская. С одной сто-

роны, запрещались коалиции и объединения на основе «классовых чувств». С другой — легализовалось трабальстское движение. Возникли сразу две партии трабальстов, претендовавшие примерно на то место, которое в современной России занимает КПРФ. К трабальстам примкнули и крайне левые политики, стремившиеся найти возможности для легальной деятельности.

В экономике от политической либерализации дела не улучшились. При Фигейредо инфляция и безработица росли. Организованное властями снижение цен на рис и бобы, а также массовое строительство «народного» жилья уже не могли остановить оппозицию. Не помогали властям и силовые действия, теракты в киосках, продававших левую прессу. На первых прямых выборах губернаторов в 1982 г. «Партия Бразильское демократическое движение» (в PMDB переименовали по закону о партиях MDB) победила в 9 из 22 штатов, а в Рио-де-Жанейро (вечно оппозиционной бывшей столице страны) добились успеха трабальсты. На выборах в Палату депутатов успехи оппозиции были еще значительнее. Официально допущенная умеренная демократизация стала на фоне экономических трудностей выходить из-под контроля.

В марте 1983 г. развернулось движение под лозунгом «Права — сейчас!». Его сторонники проводили марши и митинги, требуя прямых выборов президента. Движение началось с незначительной демонстрации в штате Пернамбуку. Затем протесты распространились на Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и другие крупные города. Наконец, 16 апреля в Сан-Паулу прошел «марш миллионов». Там действительно порядка 1,5 млн человек участвовали в шествии и митинге, на котором выступила «муза» движения — певица Фафа из Белена (это «место» в современной России пока еще остается вакантным).

В конечном счете движение не добилось своей цели. Провалилась попытка провести поправку к конституции о прямых президентских выборах. Оппозиция не смогла набрать необходимые две трети голосов, но с этого момента партия власти утратила даже внешнее единство.

Раскол партии власти

Кандидатом в президенты от партии власти на выборах 1985 г. был выдвинут бывший губернатор штата Сан-Паулу — сын ливанских иммигрантов Пауло Салим Малуф. Даже среди небезупречных вождей партии власти Малуф имел репутацию коррупционера. Как выразился «кастик» одного из штатов, «поддержать Малуфа в президенты значит предать революцию 1964 года». Председатель партии власти Жозе Сарней, контролировавший северный штат Мараньян, и почти все губернаторы северо-восточных штатов перешли на сторону оппозиции.

И вот партия власти вдруг проиграла. На непрямых президентских выборах 1985 г. победил кандидат от «официальной оппозиции» Танкредо Невес. Характерно, что он был не «левым экстремистом», а выходцем из респектабельной региональной элиты: губернатор штата Минас-Жерайс, министр юстиции и внутренних дел в период демократического президентства Варгаса.

Так сбылись слова, сказанные генералом Фигейредо при его вступлении на пост президента: «Я сделаю эту страну демократией». Хотя, наверное, он надеялся демократизировать страну по-другому.

Накануне вступления в должность избранный президент тяжело заболел. Вместо Невеса, находившегося в больнице, присягу принес избранный вместе с ним вице-президент Жозе Сарней. В период правления Сарнея была принята новая конституция, право голоса впервые получили неграмотные и молодежь (с 16 лет). При этом экономические преобразования дали лишь кратковременный эффект; аграрная реформа провалилась. Неудивительно, что победившая оппозиция быстро стала раскалываться на части. В 1988 г. от PMDB отделились «туканы», создавшие Партию бразильской социал-демократии (PSDB, символ отделившейся партии — птица тукан).

«Туканы» против «красной звезды»

В 1989 г. первые прямые выборы президента выиграл Ф. Коллор ди Мелло, опиравшийся на поддержку телевидения. Однако в 1992 г. ему был объявлен импичмент за финансовые махинации и причастность к коррупции. В 1994 и 1998 гг. на выборах побеждал «тукан» — экономист Ф. Э. Кардозо, которому противостоял Луис Инасио Лула да Силва (или просто Лула).

До стабильности было еще далеко. Улучшений в экономике большинство бразильцев почти не замечало. Неожиданно удачный выход из продолжавшегося политического и экономического кризиса был найден благодаря успехам нового синдикализма и выросшей из него Партии трудящихся (РТ) во главе с Лулой, первым рабочим на посту президента Бразилии.

Политическое созревание Лулы проходило в 1970-х гг. Он работал в профсоюзе металлургов, трижды возглавлял забастовки. В тот период весь мир с интересом наблюдал за рабочим движением в Польше (подробнее см. «Польская модель»). Даже некоторыми манерами Лула напоминал Леха Валенсу.

Символом его партии стала красная пятиконечная звезда. Лула сумел объединить не только рабочих и крестьян (в том числе движения безземельных и лишенных крыши над головой), но и интеллектуалов, часть церкви и региональной элиты. В партию Лулы перешли и некоторые трабальисты, однако трабальистские партии сохранили свою самостоятельность.

На выборах 2002 г. «туканы» потерпели поражение, и Лула наконец стал президентом (с четвертой попытки). Вопреки опасениям сторонников и ожи-

даниям противников, новый глава государства сохранял популярность в течение двух президентских сроков. К концу правления Лулы в 2009 г. был наконец отменен одиозный закон о печати, принятый еще в 1967 г.

В 2010 г. Лулу сменила первая женщина-президент Бразилии Дилма Руссефф. При Луле она занимала посты главы президентской администрации и министра энергетики. «Туканы» снова проиграли, но уже не так сильно, как раньше.

Нынешняя правящая коалиция неоднородна и включает слабые партии, часто используемые для защиты региональных интересов. То же можно сказать и об оппозиции. Таким образом, фасадная двухпартийность периода диктатуры сменилась новой двухпартийностью. Но она уже представляла собой борьбу широких политических объединений, возглавляемых двумя левыми партиями. Эти объединения по-настоящему консолидируются только во втором туре президентских выборов. Экономически развитые штаты Юга поддерживают «туканов» из PSDB, более бедные регионы предпочитают Партию трудящихся с ее красной звездой.

В чем же причина подобной трансформации бразильской политической системы? Возможны ли такие преобразования в России?

В исходной политической конструкции, созданной военными, было, как мы видели, много общего с нашей действительностью. Но, безусловно, между двумя моделями есть и различия. Во-первых, бразильские штаты намного сильнее, чем российские регионы (за исключением некоторых республик). Во-вторых, профсоюзы в нашей стране, в отличие от бразильских, давно не играют самостоятельной политической роли. Для управления государством и промышленностью в настоящий момент это, возможно, хорошо. Однако бразильский опыт показывает, что именно профсоюзный лидер, не боящийся свободных выборов и «запах народа», способен вывести страну из кризиса и проводить реформы не менее успешно, чем высокообразованные интеллектуалы.

Мексиканская модель

Если бы кремлевские политические стратеги — от Владислава Суркова до Вячеслава Володина — могли бы выбрать в качестве образца для России страну, политический режим которой идеально подходил бы для сохранения одними и теми же правящими группами власти на протяжении длительного времени, то скорее всего они предпочли бы Мексику. Именно здесь доминирующая Институционно-революционная партия (PRI) удерживала свое господство свыше семи десятилетий, с 1929 по 2000 гг. При этом одни президенты меняли других, а сама Мексика много лет вполне устойчиво и

успешно развивалась в экономическом плане. И все же ветер перемен достиг и этой страны. Она прошла свой долгий путь к демократизации.

Настоящая партия власти

Как и ряд других стран Латинской Америки, в XIX в. Мексика формально скопировала у США конституцию с сильной президентской властью, но не смогла создать ни системы «сдержек и противовесов», ни стабильной конкурентной партийной системы. Поэтому страна пережила череду диктатур: на протяжении длительного периода ей были присущи режимы личной власти «каудильо», самым известным из которых был правивший Мексикой 34 года (1876–1910) Порфирио Диас. Неудивительно, что после революции 1910–1917 гг. в конституцию Мексики была внесена норма о запрете переизбрания главы государства на свой пост по окончании срока его полномочий.

Впрочем, оказалось, что ее легко обойти — примерно так же, как поступил в России Владимир Путин. В Мексике в 1924 г. президента Альваро Обрегона сменил победивший на выборах соратник и преемник Плутарко Кальес, а четыре года спустя Обрегон был вновь избран на пост главы государства при поддержке Кальеса.

Но случилось непредвиденное. Во время банкета, проводимого по случаю этой победы, Обрегон был застрелен религиозным фанатиком. Мексика, едва пришедшая в себя после революции и длительной нестабильности, оказалась перед угрозой нового политического кризиса. В этой ситуации Кальес, не имевший более возможности занимать пост президента, но стремившийся предотвратить политические конфликты, выбрал нестандартный сценарий действий. Добившись от парламента назначения своего ставленника в качестве временного президента, он манипулировал за кулисами принятием всех политических решений и создал коалицию в поддержку сохранения статус-кво — Национально-революционную партию (предшественницу PRI). В нее вошли некоторые прежние партии, часть профсоюзов, аграрии, военные и локальные «политические машины» местных «боссов».

Обычно лидеры авторитарных режимов выстраивают систему управления лично под себя или опираются на армию как орудие господства. Хотя такие режимы редко переживают своих создателей и часто уязвимы перед лицом военных либо дворцовых переворотов, однако инвестировать в строительство партии власти их руководители не слишком заинтересованы. В лучшем случае такие проекты (как та же «Единая Россия») играют в политике вспомогательную роль. Но для мексиканских политиков такое решение оказалось единственным способным удержать элиту от новых конфликтов и надолго обеспечить преемственность режима.

Новоявленная партия власти взяла под свой контроль важнейшие правительственные посты и, опираясь на государственный аппарат, получила сокрушительное превосходство на выборах. Но подлинной опорой и важнейшим инструментом режима она стала лишь в период президентства Лазаро Карденаса (1934–1940). Именно благодаря его усилиям партия была реорганизована по корпоративскому принципу, превратившись из рыхлой коалиции в единую иерархически организованную структуру, которая пронизала государственный аппарат и армию, обеспечив эффективный массовый патронаж. Карденас же с помощью партии власти смог избавиться от вызовов со стороны военных и местных лидеров, установить свой контроль над профсоюзами, раздать ряд земельных наделов крестьянам, а также национализировать нефтяную промышленность, что усилило экономические позиции властей.

Кальес, оказавшийся не у дел и пытавшийся играть свою политическую игру, был выслан из страны за границу. В 1940 г., по окончании срока правления, Карденаса на посту главы государства сменил преемник, предложенный самим же президентом. Последующие десятилетия стали «золотым веком» стабильности. Достаточно сказать, что Мексика осталась единственной латиноамериканской страной, сохранявшей авторитарный режим и не испытывавшей после Второй мировой войны государственных и/или военных переворотов.

Мексиканский авторитаризм опирался не столько на «кнут», сколько на «пряник»: режим не был репрессивным и до известных пределов терпел свободу слова. Он даже допускал существование оппозиционных партий. По отношению к диссидентам режим предпочитал стратегию кооптации, предлагая им возможности карьерного роста и/или материальные блага в обмен на лояльность PRI. Однако если те проявляли несговорчивость — режим мог применить и силу (разгон студенческих манифестаций, закрытие неудобных газет и др.).

Основным ресурсом мексиканской партии власти было ее сращение с государственным аппаратом (дополнявшееся массовым патронажем), но никак не идеология, остававшаяся эклектичной и весьма расплывчатой. Это позволяло успешно проводить по отношению к оппозиции политику «разделяй и властвуй», загоняя в узкие идеологические «гетто» как многочисленные, но слабые левые партии, так и связанные с католической церковью правые круги во главе с Партией национального действия (PAN), стабильно получавшей на выборах не более 15% голосов. Присутствие в мексиканской политике оппозиции, не способной создать серьезные вызовы режиму, лишь закрепляло господство PRI.

Отчасти PRI была похожа на российскую партию власти. Она была не столько правящей партией, определяющей состав и курс правительства,

сколько президентской, поддерживавшей статус-кво независимо от персоналий и решений руководства страны. Влияние PRI на выработку политического курса и принятие важнейших решений было ограниченным: ключевую роль в этом процессе играло правительство, а также (в определенной мере) бизнес и профсоюзы, а PRI лишь одобряла «спущенные» президентские законопроекты.

Кроме того, PRI со времен Карденаса была разделена на несколько секторов — трудовой, крестьянский и «народный» (в него входили государственные служащие и представители среднего класса). Поэтому в сферу влияния партии власти входили максимально широкие слои населения, а сама PRI служила механизмом представительства интересов различных групп, обеспечивая тем самым единство элит. Воздействие на PRI со стороны губернаторов и местных лидеров было ограниченным, что способствовало большей централизации управления как партией, так и страной в целом, а под контроль президента оказался поставлен организационно раздробленный партийный аппарат, политическое влияние которого снизилось из-за внутрипартийной борьбы (похожие шаги пытался предпринимать в СССР Никита Хрущев, стремившийся ослабить партийный аппарат путем разделения обкомов КПСС на промышленные и аграрные).

Сменявшие друг друга каждые шесть лет главы государства самостоятельно формировали кабинеты министров, опираясь на профессиональных технократов и своих личных ставленников и по истечении своего президентского срока (избрание на второй срок было запрещено) уходили с авансцены мексиканской политики. Хотя формально партия власти номинировала кандидатов на президентский пост, на деле глава государства сам контролировал партию, назначая своих ставленников на посты партийных лидеров. Завершая шестилетний срок («сексенио»), каждый президент подбирал себе официального преемника.

Дабы избежать конкуренции между представителями партии власти, в избирательный закон были внесены поправки. В выборах не могли участвовать действующие депутаты, чиновники и военные: право баллотироваться (при этом не на тот же самый пост, который они занимали ранее) они получали, лишь если уходили в отставку со своих постов не позднее, чем за полгода до дня голосования. Неудивительно, что альтернативные кандидаты не имели никаких шансов, и новым президентом становился тот политик, на кого уходящий президент обращал свой указательный палец (по-испански «дедазо»).

Именно словом «дедазо» обозначалась не знавшая сбоев мексиканская модель передачи власти (российскому «тандему» у нее стоило бы поучиться). Казалось, что господству партии власти в Мексике ничто не угрожает: мексиканский режим заслужил репутацию «идеальной диктатуры». Но по мере развития страны сохранять статус-кво становилось все сложнее.

«Проклятие сексенио»

Почему же эта система в конечном счете развалилась?

На протяжении 1950–70-х гг. мексиканская экономика уверенно росла быстрыми темпами (6–7% в год). Из отсталой аграрной страны Мексика превратилась в развитую индустриальную. Но чудо стабильности не могло длиться вечно, и на смену ему пришли суровые испытания.

Первым серьезным политическим конфликтом, потрясшим Мексику, стала волна студенческих выступлений, которые в преддверии Олимпийских игр 1968 г. были жестоко подавлены правительством. Вслед за этим власти взяли курс на снижение социального неравенства: масштабы вмешательства государства в экономику резко возросли, а с ними начали расти дефицит бюджета и инфляция.

Именно в это время Мексика получила приток денег благодаря своим природным ресурсам: к концу 1970-х гг. страна вошла в число ведущих мировых экспортеров нефти. Однако нестабильность цен на нефть на мировом рынке и популистская экономическая политика правительства нанесли серию ударов по благополучию страны, которые все время приходились как раз на период президентских выборов и получили название «проклятие сексенио».

Осенью 1976 г. Мексика вынуждена была пойти на девальвацию песо. В 1982 г. начался отток капитала, усугубившийся после резкого снижения цен на нефть, что повлекло за собой новую девальвацию песо. Но в преддверии президентских выборов правительство вместо того, чтобы жестко экономить бюджетные средства, напротив, подняло зарплаты, и в результате уже новый глава государства вынужден был объявить о невозможности выплаты внешнего долга Мексики. Когда же после еще одной девальвации внешний долг Мексики был реструктурирован, а правительство запустило программу экономических реформ, очередной спад мировых цен на нефть похоронил все надежды: накануне президентских выборов, к началу 1988 г., инфляция превысила 159%.

В начале 1990-х гг. был заключен официальный «пакт» — соглашение между правительством, бизнесом и профсоюзами о замораживании цен и зарплат, уменьшении государственных расходов и приватизации ряда предприятий. Благодаря этим шагам, а также реформе налоговой системы, удалось достичь снижения объема внешнего долга Мексики и уровня инфляции до 8% год. Но «проклятие сексенио» вновь настигло Мексику в 1994 г.

Сперва вспыхнуло восстание индейских сепаратистов в наиболее отсталом штате страны Чиapas, после чего центральное правительство надолго утратило контроль над этой территорией. Затем в преддверии выборов Мексика пережила убийство кандидата на пост главы государства, незадолго до

того провозглашенного преемником уходящего президента, потом страну потряс самый тяжелый за всю ее историю кризис, который сопровождался не просто девальвацией, но крахом национальной валюты. Отток капитала за неделю превысил 10 млрд долларов, а почти 2,5 млн мексиканцев потеряли работу.

Казалось бы, на фоне череды экономических кризисов мексиканский режим был обречен на поражение на выборах. Тем не менее PRI смогла удержаться у власти — ее падение произошло не в самые тяжелые для экономики страны времена, а как раз тогда, когда после тяжелого и глубокого спада с середины 1990-х гг. начался период роста.

Многие наблюдатели не без оснований говорили о злоупотреблениях и фальсификациях в пользу партии власти. Действительно, PRI не стеснялась в выборе средств для обеспечения нужных для нее итогов голосования. Рассказы о том, как накануне выборов PRI завозила в деревни обувь и бесплатно раздавала крестьянам перед голосованием ботинки на левую ногу, а тем, кто «правильно» голосовал, еще и на правую, стали общим местом в описании мексиканских выборов. Другая причина сохранения статус-кво заключалась в том, что избиратели реагировали не на глубину экономического спада, а на его длительность. Мексиканским правительствам удавалось быстро выправлять положение дел в экономике и успевать сохранить надежду у избирателей. Для сравнения заметим, что и в России глубокий спад в экономике в ходе кризиса 2008–2009 гг. тоже не повлек за собой автоматически падение поддержки Путина.

Этот опыт говорит о том, что авторитарные режимы сталкиваются с вызовами и тогда, когда их экономическая политика оказывается успешной, и тогда, когда они переживают спад. Трудности у авторитарных режимов возникают как из-за разочарования общества, вызванного неэффективностью руководства, так и в силу того, что экономическое развитие со временем меняет общество и ведет к повышению спроса граждан на политические свободы. «История успеха» мексиканской экономики создала базу поддержки авторитарного режима (нечто подобное наблюдалось и в России в 2000-е гг.), но по мере кризисов она, хотя и не сразу, начала таять (Россия, похоже, сейчас находится лишь в начале этого пути).

При этом спрос на перемены со стороны граждан мексиканским властям был предъявлен лишь тогда, когда в политике появилось альтернативное предложение.

«Ползучая» демократизация

К концу 1980-х гг. стало ясно, что политический монополизм PRI уже неспособен справиться с кризисами. Начался болезненный и мучительный

процесс распада системы «дедазо», когда сменявшие друг друга президенты жили по принципу «после нас хоть потоп», оставляя своим преемникам тяжкое наследие и не заботясь о последствиях своей политики.

Неспособность PRI к обновлению провоцировала внутрипартийные конфликты и повлекла за собой раскол мексиканской элиты. В преддверии выборов 1988 г. группа влиятельных деятелей партии власти во главе с сыном Карденаса Куатемоком вышла из ее рядов и объединила вокруг себя многочисленные и слабые левые партии в Партию революционной демократии (PRD). Только противоречия между оппозиционерами и массовые фальсификации при голосовании помогли PRI тогда удержаться у власти.

Но оппозиция извлекла уроки из поражения: левые из PRD и правые из PAN хотя были антагонистами в плане экономической политики, оказались в равной мере заинтересованы в том, чтобы изменить правила игры. Именно это позволило им сотрудничать друг с другом под очень хорошо знакомым российским оппозиционерам лозунгом «За честные выборы!». Им удалось добиться создания независимого от властей страны электорального трибунала (своего рода аналога Центризбиркома) и успешно наладить кооперацию на региональных и местных выборах по принципу «негативного консенсуса» (призыв «Голосуй за кого угодно, кроме кандидатов партии власти» был знаком мексиканской оппозиции не хуже, чем российской).

Появление нового предложения на мексиканском политическом рынке повлекло за собой и изменение спроса: ведь модернизация Мексики объективно привела к серьезным социальным переменам, ставшим причинами политических сдвигов. По мере роста и выхода на авансцену среднего класса, особенно в более обеспеченных северных штатах страны, росла и политическая поддержка PAN. В итоге PRI в 1989 г. впервые в своей истории проиграла кандидату PAN губернаторские выборы в граничащем с США штате Баха Калифорния. Партия, прежде запертая в электоральное «гетто», в 1990-е гг. начала побеждать на выборах и в других городах и штатах.

В это время и низшие слои, на протяжении десятилетий служившие базой поддержки PRI, начали выходить из-под контроля партии власти. Череда кризисов подорвала механизм патронажа, что привело к переходу части бывших сторонников партии власти на сторону набиравшей силу PRD. К тому же шедший полным ходом процесс децентрализации страны открыл для левой и правой оппозиции новое окно политических возможностей на локальном уровне.

На выборах 1997 г. PRI впервые лишилась абсолютного большинства в парламенте Мексики. Наконец, черта под эпохой однопартийного режима в стране была подведена в июле 2000 г., когда на президентских выборах уверенно победил Висенте Фокс, баллотировавшийся от созданного под руководством PAN «Альянса за перемены».

Фокс, ранее последовательно занимавший посты руководителя мексиканского филиала Coca-Cola, депутата парламента страны и губернатора штата Гуанахуто, вел свою кампанию под лозунгами борьбы с коррупцией и поддержки бизнеса, обещая экономический рост и прекращение процветавшей при PRI практики раздачи политическим сторонникам постов в государственном аппарате. Именно Фоксу удалось убедить мексиканцев в том, что он способен лучше управлять страной, чем ставленники партии власти.

В результате после 71-летнего, самого долгого в мировой истории, господства некоммунистического режима с доминирующей партией Мексика стала «нормальной» демократической страной с обычным набором проблем, присущих новым демократиям. «Ползучая» демократизация Мексики оказалась длительной, но вполне мирной — борьба режима и оппозиции в основном разворачивалась на арене выборов, а не на баррикадах.

При этом PRI никуда не ушла с политической арены страны. Лишившись статуса партии власти, она перестроила свои ряды, обрела новых лидеров и смогла вполне успешно вписаться в новые рамки политической конкуренции. В 2003 г. PRI побеждала на парламентских выборах, а на состоявшихся 1 июля 2012 г. президентских выборах ее кандидат Энрике Пенья Нето одержал победу над тремя соперниками от разных партий.

Какие уроки наша страна может извлечь из мексиканского опыта?

Во-первых, он говорит о том, что режимы с доминирующей партией куда более устойчивы, чем персоналистские диктатуры: президенты могут меняться, а элиты способны сохранять власть. Проблема, однако, состоит в том, что такой механизм управления редко создается «по заказу»: опыт Мексики во многом остается исключением, подтверждающим правило.

Во-вторых, мексиканская история показывает, что ключевую роль в смене режима играет ответственная и дееспособная политическая оппозиция, которая обеспечивает передачу власти и меняет правила игры. Но для этого оппозиция должна быть готова к сотрудничеству поверх идеологических барьеров. Она должна опираться на широкую поддержку самых разных социальных групп и искать лидеров, способных завоевать доверие общества.

В-третьих, мексиканский опыт говорит о том, что поэтапная демократизация страны оказывается наиболее эффективным решением, которое позволяет не только минимизировать политическое насилие, но и дает шанс правящим группам прежнего режима. Однажды лишившись власти, они затем вновь могут найти свое место в политике в условиях демократии.

Такое решение, впрочем, наиболее трудное — оно дается лишь в результате опыта участия в честных выборах. А сегодняшние российские власти такой опыт приобретать упорно не желают — гражданам предстоит их принуждать к честным выборам. Этот процесс сложно протекал в Мексике и обещает быть нелегким и в нашей стране.

Советская модель

Может ли нынешний политический кризис затянуться надолго? Или вообще рассосаться? Трансформироваться в застой, когда участники бурных митингов оседают на кухнях, вяло перемалывая в очередной раз события безвозвратно ушедшего дня? Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, лучше всего заглянуть в наше недавнее прошлое — в брежневскую эпоху.

Как просидеть в Кремле до старости

На чем держался поздний СССР? На пяти «китах»: отживающей коммунистической идеологии, умеренных репрессиях, высоких нефтяных ценах мирового рынка, консервации старой элиты и «железном занавесе», отсекающем информацию об успехах государств демократического мира.

Для того чтобы народ вел себя тихо и не требовал перемен, лучше всего промыть ему мозги с помощью идеологии, утверждающей, будто мы делаем великое общее дело и страдаем ради светлого будущего. В нынешней России идеологический фундамент режима выстроить так и не удалось. Казалось бы, в этом его слабость по сравнению с режимом коммунистическим. Однако в действительности в брежневскую эпоху идеология явно умирала и не могла играть такой роли, как на заре советской власти. Поколение, сформировавшееся после хрущевской оттепели, уже не верило ни в скорый приход коммунизма, ни в то, что ради этого следует потерпеть нехватку колбасы и дефицит модной одежды.

Советский опыт показывает, что без идеологии в отсталом обществе развитие невозможно, однако длительное медленное загнивание вполне возможно. Избиратель с пустыми глазами идет к урне, осуществляет «единственно правильный выбор», утешает себя тем, что альтернативы-то все равно нет, и запивает тоску водочкой, благо ее поставки режим еще может кое-как обеспечивать.

Материальный фактор при отсутствии идеологии играет большую роль. И в этом смысле для устойчивости советского режима было чрезвычайно важно, что премьер Алексей Косыгин начал в 1960-х гг. активно разрабатывать нефтяные поля Западной Сибири. В 1970-х цены на нефть внезапно рванули вверх, и СССР сумел прилично заработать, экспортируя энергоносители. Хорошая конъюнктура держалась до середины 1980-х, благодаря чему советская власть могла худо-бедно кормить народ, покупая за рубежом огромные объемы зерна.

Энергетический фактор по сей день работает на власть. Если цены на нефть удержатся на высоком уровне, то благосостояние россиян будет никак не ниже благосостояния советских граждан брежневской эпохи. Человек,

терпевший режим, заставлявший его ездить за продуктами в крупный город на «колбасной электричке», тем более вытерпит застой в ситуации полных прилавков.

На этот вывод, правда, обычно бывает два возражения.

Во-первых, говорят, что советский режим держался на репрессиях, которые сейчас уже невозможны. А, во-вторых, советский человек не представлял убогости своего существования по причине «железного занавеса». В каком-то смысле и то и другое верно, но роль этих ограничителей не следует преувеличивать.

Юрий Андропов, возглавив в 1967 г. КГБ, существенным образом трансформировал работу карательной машины. Репрессии уже не были массовыми, как в сталинские времена, а самое главное — госбезопасность старалась предупреждать конфликт человека с режимом вместо того, чтобы сочинять истории на манер высосанных из пальца громких дел о врагах народа.

Андроповская машина работала по принципу: живи сам и давай жить другим, особенно хозяевам этой жизни. Если человек не нарушал установленных тоталитарным режимом правил — не выходил с призывами на площадь, не распространял самиздат, не разбрасывал листовки и т. д., то его и не трогали. Пытался нарушать правила — его вызывали в КГБ и предупреждали. А репрессировали только в том случае, когда предупреждения не помогали. Однако, как показывает статистика госбезопасности, в большинстве ситуаций предупреждения действовали. Пассионариев в протестной среде было мало. Большинство недовольных после предупреждения выбирало не лагерь, а тихую растительную жизнь.

Примерно тот же механизм, хотя с поправкой на смену эпох, предлагают нам сегодня в законах, облагающих немислимыми штрафами «клевету», нарушения в ходе митингов и попытку уклониться от звания «иностранный агент». Советского человека отправляли в лагерь, поскольку взять с него было нечего, кроме подержанного жигуленка, тогда как с нынешних лидеров протеста, бесспорно, есть что взять. Путинский режим не станет плодить политзаключенных, из-за которых бывает много шума, он просто разорит активных противников и запугает пассивных. А в остальном логика функционирования режима останется вполне андроповской.

Что же касается «железного занавеса», то он в какой-то степени работал против советского режима, поскольку доступные у нас западные фильмы с роскошными авто, полными прилавками и просторными квартирами главных героев формировали порой у обывателя завышенное представление об уровне жизни иностранцев. Трусобы Голливуд редко показывает, а потому советский человек думал, будто на Западе все благоденствуют.

Сегодня при свободе поездок за рубеж мифологизация Запада исчезает и представления становятся более адекватными, чем в советском прошлом.

А впечатления воздействуют по-разному. Кого-то стимулируют к протесту, а кого-то фрустрируют так, что возникает совсем иная реакция — ненависть к преуспевающему Западу и желание обвинить «иностранных агентов» во всех наших бедах. Так что в каком-то смысле свобода путешествий путинский режим даже укрепляет.

И, наконец, главное. Больше всех других факторов брежневский режим консервировала консервация правящей элиты. Геронтократия свела к минимуму социальные лифты. Старики во власти не желали никаких перемен, а молодежь застревала на средних этажах карьерной лестницы, ожидая, пока верхние ступени не освободятся по причине ухода старых партийцев в мир иной.

Сегодняшнее путинское руководство все больше формируется из людей с одинаковыми взглядами, или, точнее, из тех, кто не имеет иных взглядов, кроме путинских. Маргинализируются не только оппозиционеры, но и многие вчерашние союзники, намекавшие на необходимость мягкого обновления. При наличии сильной фигуры вождя раскол внутри власти маловероятен. Вернее, весьма вероятны конфликты за деньги, посты и влияние, однако не идейные конфликты, которые могли бы в перспективе родить перестройку.

Таким образом, если следовать опыту эпохи Брежнева, то рецепт длительного пребывания в Кремле следующий. Элита не обновляется, лояльные кадры досаживают на своих постах до глубокой старости. Нелояльные маргинализируются, а при необходимости к ним применяется принцип «минимальной достаточности репрессий» (термин Михаила Леонтьева). Народ подкармливается благодаря нефтедолларам и сочетает потребительскую эйфорию с политической апатией.

В этой системе есть два слабых места: приток нефтедолларов и фигура вождя. Суть первой проблемы очевидна, а о второй пойдет речь дальше.

Путин и Брежнев

Стабильность нынешнего политического режима во многом держится лично на Владимире Путине, на его харизме. Однако в том, что у режима имеется лишь одна точка опоры, кроется его очевидная слабость. Сможет ли Путин сохранять свои позиции и дальше? Сможет ли он удержать на своих плечах всю громоздкую государственную машину в случае серьезного экономического кризиса?

На первый взгляд представляется, что нет никакого смысла сравнивать энергичного Путина с заторможенным маразматиком Брежневым, который без бумажки в последние годы своей жизни не мог произнести ни слова. Однако то, каким запомнился Леонид Ильич миллионам граждан, резко контрастирует с тем, каким он был до начала своей серьезной болезни. Трагизм

фигуры Брежнева в том, что, достигнув известного возраста, он очень быстро прошел путь от обаятельного красавца до старой развалины.

Нам трудно представить себе Брежнева, похожим по драйву на Путина, поскольку в советской системе частная жизнь вождей не только не предусматривала пиара, но даже сознательно скрывалась от внешнего наблюдателя. И лишь с появлением мемуаров, описывающих тайны той эпохи, как слабые, так и сильные стороны генсека стали широко известны.

Больше всего на свете Леонид Ильич любил охоту. А помимо нее дачу, красивых женщин, дорогие иномарки, сигареты, футбол и хоккей, а также азартные игры. Из последних, правда, мог позволить себе лишь домино, которому отдавался с упоением на специальном пирсе в Ялте, за что «друзья и соратники» прозвали сие место «Монте-Козло».

В деловых заграничных поездках Брежнев, несмотря на возраст, иногда расслаблялся «по-молодому». Например, в 1973 г. в Америке провел пару дней со стюардессой своего самолета. А жену никогда с собой за границу не брал, хоть это и было принято у зарубежных лидеров — партнеров по переговорам. «К чему, — говорил Ильич, — ездить в Тулу со своим самоваром».

Брежнев обладал самой знаменитой по тем временам коллекцией зарубежных автомобилей. Купить их напрямую в условиях советской системы было затруднительно (бюджет таких трат не предполагал), поэтому наши дипломаты при подготовке разного рода международных переговоров машины для Брежнева фактически «выцыганивали».

Наша сторона давала понять партнерам, что лучшим подарком генсеку будет автомобиль. Тем приходилось раскошелиться. От англичан советский лидер получил «роллс-ройс», от немцев — «мерседес», от французов — «ситроен». У американцев денег на такие щедрые дары в бюджете не имелось, а потому они обратились за поддержкой к дружественному бизнесу. В результате к коллекции Брежнева прибавился еще и «линкольн-континенталь».

Гонял он на «подарках» чрезвычайно лихо. Как-то раз на огромной скорости прокатил американского госсекретаря Генри Киссинджера от своей резиденции в Завидово до пирса. А затем заложил еще крутые виражи на катере.

Словом, если бы вдруг советским идеологам в середине 60-х прошлого века пришлось представлять своего вождя народу ради победы на выборах, то они вполне могли бы сделать ставку на Брежнева. Тот бы сработал не хуже Путина. И на машине промчался бы, и кабанчика бы завалил, и девчонкам бы подмигнул так, что женский электорат тут же отдал бы свои сердца нерушимому блоку коммунистов и беспартийных.

А потом произошла катастрофа. Брежнев заболел и превратился в посмешище. Причем по причине сокрытия личных тайн вождей о самых страшных и позорных страницах брежневской истории мы тоже узнали впоследствии

лишь из мемуаров. Как-то раз на встрече с американским президентом Картером он чуть не отдал богу душу. В бокале у него плескалось виски со льдом, но тяжело больной и туго соображавший Брежнев решил, по-видимому, что там — привычная водочка. И хлопнул рюмашку залпом. Кусок льда застрял у него в горле. Генсек отчаянно давился и вот-вот мог совсем задохнуться. Но подбежать и хлопнуть его по спине никто из членов советской делегации, естественно, не мог: все происходило на глазах Картера. К счастью, лед сам вышел из горла, и Брежнев прожил после этого еще три года, регулярно демонстрируя телезрителям свое бессилие, неспособность связать двух слов без бумажки и произнести эти слова хоть сколько-нибудь внятно.

В случае с Брежневым трагическая деградация главы государства серьезно подорвала престиж режима, впрочем, не вызвала непосредственных политических последствий, так как советская система после Сталина не опиралась на харизму вождя. Но для нынешнего режима энергия и внешний вид лидера жизненно важны, поскольку и сам Путин на президентских выборах, и «Единая Россия» на парламентских должны конкурировать с оппозицией. И как бы ни была велика искусственно создаваемая правителям в предвыборной гонке фора, они должны энергично двигаться, чтобы сохранить хотя бы крохотное преимущество к финишу.

Путин может законсервировать свою правящую группировку, не допуская к власти никаких вольнодумцев. Путин может маргинализировать любую оппозицию. Путин может установить минимально достаточный уровень репрессий и повышать его по мере необходимости. Но ему трудно будет сохранить тот имидж крутого мачо, с которым в свое время он обрел симпатии миллионов. Ему исполнилось 60. Далее с каждым годом «пенсионер Путин» станет неизбежно терять очередную долю обаяния, которое еще позволяет ему пока выигрывать выборы.

Теоретически не исключен ребрендинг. Можно последовать примеру итальянского друга Сильвио Берлускони. А можно разом перестать молодиться и трансформировать образ крутого мачо в образ мудрого старца. Можно пойти совсем иным путем и, скажем, на манер Сталина скрыться за кремлевской стеной, лишь изредка появляясь на публике, сохраняя таинственность и внушая обывателю некий мистический ужас. Однако ребрендинг в таких условиях — невероятно тяжелая задача.

Скорее всего, в той или иной степени Путина ждет судьба Брежнева. Не за горами то время, когда новые поколения, никогда не видевшие вождя периода мочения в сортире, глядя на экран, не смогут понять, почему этот пожилой человек столько лет при попустительстве отцов и дедов управляет нашей страной. Не за горами то время, когда даже отцы и деды захотят увидеть новые лица — просто потому, что крайний консерватизм, отрицающий всякие перемены, в любом обществе представляет собой не слишком частое явление.

И вот в какой-то момент выйдет так, что наше общество качественным образом изменится. Если сегодня в нем доминирует инертность, слегка разбавленная протестом, то завтра в нем будет доминировать протест, слегка разбавленный инертностью консервативной части электората.

Сумеет ли выжить режим в подобных условиях, будет скорее всего определяться экономическим состоянием — ценами на нефть и масштабами кризисных явлений, прогнозировать которые вряд ли возможно.

Как приходит перестройка

Даже если ближайшее будущее сложится для Владимира Путина чрезвычайно благоприятно и факторы консервации режима возобладают над проблемами возраста, рано или поздно сработают все же некие объективные ограничители. Советский опыт трансформации застойного режима в перестроечный показывает, почему авторитаризм не вечен.

Объективная проблема любого обладателя авторитарной власти, доживающего до преклонного возраста, состоит в неспособности эффективно подобрать преемника. Не липового преемника вроде Дмитрия Медведева, греющего место в ожидании возврата на президентский пост истинного хозяина, а такого, который сумеет сохранить политический режим самостоятельно. Который не окажется слабаком, не станет игрушкой в руках конкурирующих придворных группировок и не допустит того, что эти группировки в борьбе друг с другом станут апеллировать к народу, создавая предпосылки истинной демократизации.

Стареющий авторитарный лидер всегда подозрителен. Он не доверяет возможным преемникам, он гипертрофированно реагирует на их слабости, а самое главное — он чрезвычайно податлив на компромат, который каждый из кандидатов в преемники распространяет на своего конкурента. Уходящий вождь мечется, суетится, меняет фаворитов, пытаясь приблизиться к идеалу, но так этого идеала и не находит.

Пример Брежнева демонстрирует нам как раз подобное поведение. Долгое время он протезировал своему старому другу Андрею Кирилленко. Но тот был слишком слаб, чтоб стать преемником. Реально вторым человеком в партии был главный идеолог Михаил Суслов. Но идеолог не мог управлять страной, и потому вторым в государственной иерархии оставался премьер Алексей Косыгин. Брежнев, правда, его не любил и не хотел поддерживать.

В момент кончины генсека наиболее близким к нему человеком мог, наверное, считаться Константин Черненко, который действительно стал новым партийным лидером, но лишь через год с небольшим. Юрий Андропов был сильнее Черненко и захватил власть сразу. Причем нельзя сказать, что Брежнев

был против такого развития событий. Скорее, он просто сам не знал, чего хочет. Черненко был ближе и преданнее, Андропов умнее и эффективнее. Брежнев долгое время поощрял Андропова, не препятствовал концентрации у него огромной власти в бытность главой КГБ, а затем не препятствовал его переходу на пост секретаря ЦК, после чего непосредственно и становятся генсеками.

Однако мы так и не знаем, готов ли был Брежнев передать власть именно Андропову. По некоторым сведениям перед смертью он вообще склонялся скорее к фигуре украинского лидера Владимира Щербицкого.

Косыгин — Сулов — Кирилленко — Черненко — Андропов — Щербицкий... В итоге система не смогла подготовить эффективного преемника, и власть ушла к Михаилу Горбачеву, человеку иного поколения, желавшему качественной трансформации авторитарного режима.

Похожая ситуация, несмотря на очевидные внешние отличия, была и в момент кончины Сталина. Вождь регулярно перебирал людишек, одних репрессировав, других возвышая, но после себя оставил заварушку, в которой на власть могли претендовать и Лаврентий Берия, и Георгий Маленков, и Никита Хрущев. В конечном счете получилась оттепель, т. е. существенная трансформация сталинского режима, ставшая следствием борьбы группировок.

Даже уход Ленина более или менее вписывается в эту картину. Его знаменитое «Письмо к Съезду» представляет собой набор жестко критических замечаний в адрес каждого из возможных преемников. Ленин явно не находил достойного. Сталин слишком груб, Троцкий слишком самоуверен, Каменев и Зиновьев проштрафились в Октябре, Бухарин схоласт и не понимает диалектики, а на Пятакова нельзя положиться в серьезном вопросе. Вот так соратнички...

Ленину не пришлось выбирать преемника, его в тот момент фактически уже отстранили. Но если бы выбирал, то мог размышлять хоть до победы мировой революции — все равно не нашел бы достойного.

Неспособность авторитарного лидера к оптимальной передаче власти в руки преемника представляет собой весьма типичную картину для всемирной истории. Довольно часто персоналистский режим не переживает своего основателя. А если все же переживает, то при преемнике становится слабее. Соперничающие друг с другом группировки начинают оспаривать власть, и это, в зависимости от обстоятельств, приводит либо к государственному перевороту, либо к демократизации.

В общем, возвращаясь к сегодняшним российским проблемам, следует заметить, что авторитарный персоналистский режим при благоприятных условиях может существовать еще достаточно долго, но не вечно. Если бы Путин в какой-то момент оказался способен передать власть сильному преемнику — режим имел бы шанс продлить свое существование. Преемник подавил бы конкурирующие группировки и утвердил свою власть.

При слабом преемнике или при его отсутствии так называемая борьба между башнями Кремля непременно усилится. Если эта борьба будет происходить в условиях примерного равенства сил (а это весьма вероятно, поскольку Путин не допускает чрезмерного усиления никого из своих приближенных), то противоборствующие группировки не смогут удержать конфликт в узких рамках. Они в той или иной мере станут апеллировать к различным слоям элиты, прося о поддержке влиятельных журналистов, деятелей культуры, богатых бизнесменов, региональных лидеров, силовиков и т. д. Не исключено даже, что конфликт вообще не удержится в рамках противостояния элит. А если стороны начнут искать поддержку широких народных масс, то определенная демократизация неизбежна.

Примерно таким образом и обстояло дело в эпоху перестройки. Горбачев явно желал трансформации режима, однако совсем не стремился к его значительной демократизации. Возможно, без демократизации удалось бы обойтись, если бы генсек обладал большей личной властью и сумел навязать экономические реформы без политических преобразований, как это чуть раньше было сделано в Китае. Но Брежнев, Андропов и Черненко оставили после себя в партийной верхушке примерное равенство сил. Любая попытка Горбачева продвинуться вперед наталкивалась на сопротивление консерваторов, а каждый случай торможения вызывал неприятие реформаторов.

В итоге каждая из сторон стала апеллировать к партийным массам, а затем и ко всему народу. Политическая реформа на какое-то время расширила возможности Горбачева в плане манипулирования, но в конечном счете привела во власть те силы, которых ни перестроечные реформаторы, ни перестроечные консерваторы не желали.

Не исключено, что по схожему сценарию может происходить и постпутинская трансформация. Лидер оставляет после себя примерно равные по силе группировки. Они вступают в борьбу за власть. Те, кто помоложе, захотят обновления и станут апеллировать к массам. Их противники ответят тем же. И режим рухнет.

Российская (1917 г.) модель

Мы силится предсказать будущее, оглядываясь на прошлое. В этой ситуации историк Российской революции 1917 г. ощущает себя необычайно востребованным. Востребованным, но не понятым. «Правда, это похоже на канун Февральской революции?» — вопрошают люди самых разных взглядов. Отрицательный ответ никого не устраивает: одни пугают Февралем, другие его с нетерпением ждут.

Путь от мысли до курка

Между тем опыт революции 1917 г. свидетельствует о том, что анализ политической ситуации, основанный исключительно на исторических параллелях, редко бывает точным. С кем только ни сравнивали Керенского: для одних он был русским Дантоном, для других — Луи Бланом. Наконец, некоторые его восторженные почитатели считали, что одного определения мало: «...русский Грахх, с душою Гарибальди». Керенского сравнивали с Наполеоном, и одних это оскорбляло, а других воодушевляло: многие мечтали о воинственном вожде-спасителе, который преодолет анархию. Востребованной оказывалась и аналогия со Смутным временем. Странники Керенского именовали его то Пожарским, то Мининым, а враги главы Временного правительства — Лжедмитрием. И все эти аллюзии не сработали.

Вряд ли современная Российская Федерация напоминает Российской империи кануна революции. Набор и масштаб проблем был совершенно иным. Разумеется, император и его правительство запаздывали с реформами, но вряд ли какой-либо разумный политик может позавидовать положению последнего русского царя. Любая реформа, даже самая продуманная, создавала непременно новые вызовы, провоцировала кризисы в различных сферах.

Можно ли было с помощью реформ интегрировать в империю поляков? Финнов? Жесткая централизация и русификация подрывали основы империи, которая создавалась на основании соглашений с местными элитами, соглашений писанных и неписанных.

Можно ли было решить аграрную проблему с помощью Столыпинской реформы? В одних регионах крестьяне готовы были ее принять, в других полагали, что единственным способом разрешения всех экономических бед является «черный передел». Это было глубокое убеждение десятков миллионов людей.

Можно вспоминать и иные болевые точки империи, при желании легко найти аналогии. Но важно упомянуть другую особенность, которая присуща и нашим предкам, и нам. Ощущение необходимости преобразований не сопровождается продуктивным поиском общенационального консенсуса относительно набора первоочередных реформ. Отсутствуют и общепризнанные принципы лоббирования политических реформ. Культурная разнородность огромной страны затрудняла и затрудняет формулирование общих правил политической игры. Можно даже сказать, что современные россияне обнаруживают меньшую способность к политической самоорганизации, чем их предки, жившие в начале XX в.

И все же нынешняя политическая ситуация принципиально отличается от событий вековой давности. Сто лет назад жители России, придерживав-

шиеся самых разных политических взглядов, спокойнее относились к политическому насилию, «путь от мысли до курка» был для них гораздо короче.

Власть традиционно использовала армию как полицейскую силу. Армия была универсальным средством решения всех проблем — хозяйственных, воспитательных, полицейских. Хорошая полиция стоит дорого, а денег в империи, борющейся за статус великой державы, катастрофически не хватало, полицейское государство не имело нужного количества полицейских. Но использование в полицейских целях людей, подготовленных для войны, приводило к тому, что различные социальные и политические конфликты перерастали в маленькие гражданские войны. Такой опыт сыграл свою роль при подготовке большой гражданской войны.

В то же время многие представители оппозиции считали революцию универсальным средством решения всех социальных, политических, национальных проблем. Вера в грядущую революцию подтверждалась необычайно развитой политической культурой революционного подполья. Создававшиеся десятилетиями ритуалы и символы воспитывали определенную культуру бескомпромиссного протестного движения. В поле влияния этой культуры находились самые различные слои, она легко эксплуатировалась для оформления самых разных требований. Любой конфликт был маленькой революцией.

Запрограммированность России на конфронтацию значительно усилилась в годы Первой мировой войны. В условиях грандиозной войны, сделавшей многих мирных людей жестокими воинами, насилие казалось естественным способом решения политических проблем. Но это затрудняло традиционное использование армии как полицейской силы, что в конце концов и привело к революции.

К счастью, в современной России условия политической социализации совершенно иные. Разумеется, опыт региональных войн и международных кровавых конфликтов не может не влиять на политическое сознание россиян. Однако этот опыт необязательно ведет к применению насилия, напротив, он нередко используется как аргумент для предотвращения всяческих конфликтов (что порой влечет и отказ от преобразований, если они несут риск конфронтации).

И все же современные аналитики прибегают и прибегают к сопоставлению нынешней ситуации с событиями 1917 г., несмотря на принципиальное отличие двух эпох.

Во-первых, миф о Великом Октябре был основополагающим мифом СССР. Люди, воспитывавшиеся в Советском Союзе, попросту не могли ничего не знать о революции. Этот багаж знаний сохраняется и по сей день, порой меняется лишь знак оценки. Поэтому аналогии с 1917 г. воспроизводятся почти автоматически и простыми людьми, и политиками, и СМИ.

Во-вторых, в сознании народа Гражданская война остается непреодолимой травмой. И по сей день немало людей отождествляет себя с белыми или красными, хотя порой они плохо знают действительную историю братоубийственного конфликта.

В-третьих, массовое сознание охотно «объясняет» историю революции с помощью всевозможных заговоров: если современники верили в «заговор императрицы», то в начале XXI в. публичные историки, опираясь на детективизированное сознание общества, рассуждают о заговорах масонов и происках иностранных разведок как о главных факторах революции. Вера во всемогущество спецслужб объединяет странным образом и бывших диссидентов, и ветеранов спецслужб. Этот чекистско-диссидентский дискурс существенно влияет на современную политику. Его появление объяснимо, его воздействие непредсказуемо.

В такой ситуации максимальная рационализация исторического сознания представляется необходимой.

Николай II и Владимир Путин

Разговор о власти нередко становится удивительно интимным. Люди признаются в любви властителям и не прощают измен своим избранникам. «Я так любила Горбачева!» — говорила мне одна московская либеральная дама в самом начале 1991 г. Так говорят о бывших любовниках, оказавшихся недостойными высокого чувства...

У каждого политического строя свой набор предписываемых эмоций по отношению к власти и властителям. Монархов положено любить. Язык верноподданных необычайно чувствителен, они плачут при виде «возлюбленного государя», испытывают экстаз, народ и монарх заключают друг друга в объятия. И это не всегда похоже на любовь преданных детей к отцу, это чувство иного рода.

«Трагическая эротика» — такими словами описал С. Булгаков свое отношение к Николаю II. Искреннее признание философа, для которого почитание царя было религиозным требованием, позволяет лучше понять общественно-психологическую ситуацию накануне падения монархии: немало убежденных монархистов не могли любить своего государя, хотя этого очень хотели. Они не считали императора достойным своей политической любви. Николай II не смог пробудить это чувство у своих верноподданных. Не только активные действия его давних противников, революционеров и либералов, отрицавших монархический строй, но и поразительное бездействие монархистов, желавших любить своего царя, предопределили его падение.

В известном смысле последний император стал заложником своего идеализированного образа. Николай II представлял себя как благочестивый и

богобоязненный царь московского периода (известна его любовь к Алексею Михайловичу, а к Петру Великому он относился не без критики). Другой же излюбленный образ Николая II — «венценосный труженик», неустанно заботящийся о процветании своей страны. Монархическое сознание верноподанных требовало образа сильного правителя, мудрого и решительного отца нации. Однако к 1917 г. царь перестал восприниматься как могучий государь, все чаще люди разных политических взглядов — монархисты разного толка в том числе — воспринимали его как слабого императора. Он напоминал фольклорный образ царя-дурака — пьяницы и подкаблучника, которым манипулируют недостойные советники, помыкает жена. Разве можно было любить такого царя?

Свержение монархии в 1917 г. потребовало не только выработки принципиально нового политического языка, но и изменения эмоционального отношения к власти. При этом нарастающая популярность демократической риторики сопровождалась и потребностью любить новых политических избранников. «Первая любовь революции» — так именовали Керенского его сторонники. Любовь первая, но не последняя: одни переносили чувство политической любви на «народного главнокомандующего» генерала Корнилова, а другие избирали иных «любимых вождей» — Ленина и Троцкого. Керенский же признавался и теми и другими недостойным любви. Его положение вождя трактовалось как нечто противоестественное, неслучайна демаскулинизация и феминизация его образа. Показательно, что слух о переодевании Керенского в костюм сестры милосердия родился первоначально в правой, черносотенной среде.

Потребность любить главу государства является в настоящее время важным препятствием на пути к демократизации современной России. Одни любят президента и готовы защищать его как близкого человека, другие же считают его недостойным народной любви. Между тем многовековая республиканская традиция культивировала настороженное отношение к популярным властителям, намеки на культ личности могли стать началом конца политической карьеры. «Главная добродетель гражданина — подозрительность», — говорил Робеспьер, а лозунг Американской революции гласил: «Вечная бдительность — залог свободы». Любовь к вождям предстает здесь как некая аномалия, встречающаяся, но требующая немедленной политической терапии.

При этом по сути монархическая политическая любовь может сочетаться с использованием языка демократии. Собственно, и в советское время демократия не исключалась из официального политического словаря, это отличало коммунистов от фашистов и нацистов, которые откровенно отрицали демократию. В советском же языке слово «демократия» хотя и не было центральным понятием, но явно обладало положительным значением, даже

убежденные коммунисты давали порой своим детям имена Демократ, Рада (рабочая демократия). Реальной демократии в СССР не было, однако ритуалы ее существовали, что имело декоративно-легитимирующее воздействие. И на историю СССР это оказало немалое воздействие: пионерские сборы и комсомольские собрания, отрицая демократию как ценность, обучали миллионы людей технике выработки консолидированных решений — ведению собраний и составлению протоколов. Сборы и собрания были привычно скучными, но в период перестройки опыт принудительного квазисамоуправления был востребован.

Здесь следует отметить политическое значение экстраполитических факторов. Так, люди все больше интересовались спортом, болельщики наполняли стадионы, радио и телевидение также способствовали распространению культуры спорта и спортивной этики. Представления о честной игре получали распространение и постепенно захватывали сферу политики. Выборы в СССР честной игрой назвать было никак нельзя.

Ритуалы демократии и представления о честной игре необычайно важны для современной политики. Режим принципиально не отрицает политическое соревнование, но стремится контролировать его, выступая в роли и игрока, и судьи. Он желает победы по правилам, хотя правила меняются во время игры в зависимости от ее хода.

И если Николай II не соответствовал образу могучего государя, образу, который он тщательно конструировал, то президент Путин становится заложником того имиджа, который создавал он сам и его сторонники. Его выбирали как сильного мужчину, борца и лыжника, спортсмена, уверенно побеждающего своих соперников. Молодая и энергичная власть противопоставлялась старому поколению политиков, которые либо поддерживали «дедушку Ельцина», либо боролись с ним.

Именно такой образ мужественного политика опасен для ситуации, когда власть, меняя правила игры, заявляет о том, что она их сохраняет. Спортсмен Путин бросает вызов спортивной этике, и неудивительно, что общественный вызов ему был брошен во время спортивного соревнования: болельщики дали понять, что он играет не по правилам.

Это вовсе не значит, что Путин теряет популярность, многие продолжают любить его, но любят его иначе, иначе, чем даже несколько лет тому назад. Президент олицетворяет не динамику, неизбежно сопряженную с политическими рисками, а стабильность, которая порой воспринимается как застой. Путин — это Брежнев сегодня. Именно за это его любят многие его сторонники. Именно поэтому многие его оппоненты любят других политиков.

Но, похоже, Россия все еще желает непременно любить своих избранников.

Молодежь против «старого режима»

Политические предсказатели и экономические прорицатели предпочитают катастрофические прогнозы. В этом и кроется успех их ремесла: при благоприятном развитии событий никто и не вспоминает их пессимистичные предчувствия, а вот трагедии обществ способствуют карьерам аналитиков, предупреждавших о грядущих опасностях, но не понятых современниками...

Так, историки Российской революции любят цитировать «Записку» Петра Николаевича Дурново — бывшего министра внутренних дел империи. Уже в начале 1914 г. умный и опытный бюрократ, профессиональный борец с революцией, предрекал, что грядущая война с Германией чревата серьезными социальными потрясениями.

Неудивительно, что и современные профессиональные пророки обсуждают прежде всего грядущие великие потрясения великой страны. Но и без подсказок честолюбивых футурологов обывателю понятно, что кризис не за горами: счета за жилье и цены в магазинах не пробуждают радостных надежд. Даже фанатичные антикоммунисты порой анализируют ситуацию, используя категории «базис» и «надстройка», даже люди верующие в глубине души считают, что бытие определяет сознание, по крайней мере политическое поведение.

Можно с большой долей уверенности предположить, что грядущий виток экономического кризиса отразится на социальной сфере, а это существенно повлияет на политическую ситуацию. Но каким будет ближайший политический кризис? Перерастет ли он в революцию, которую многие боятся, а некоторые чают?

Пока все рассуждения относительно неизбежности революции, высказываемые ее сторонниками и противниками, нельзя признать достаточно убедительными. Исходя из своих убеждений, одни революцией пугают, другие революцию прославляют.

Однако опыт предшествующих революций позволяет все же сделать некоторые прогнозы относительно протекания неизбежного политического кризиса. Вне зависимости от доминирующей идеологии он будет политизированным конфликтом поколений.

Ведь революция 1917 г. и Гражданская война были конфликтом поколений. В результате Февральской революции в стране появилось множество комитетов и советов разного рода. Сотни тысяч сравнительно молодых мужчин, оторванных от нормальной политической жизни, оказались участниками политического процесса. Они познали вкус власти, они не собирались обретенную власть отдавать. По сравнению с этим важнейшим социально-политическим процессом все дискуссии между конституционными демократами и социалистами-революционерами, народными социалиста-

ми и большевиками, меньшевиками и анархистами выглядят вторичными. Энергичные и честолюбивые парни, политизирующиеся в условиях войны и революции, готовы были с оружием в руках отстаивать свою власть. Сложилось так, что большинство представителей этого «комитетского класса» оказалось на стороне большевиков, но могло быть иначе: в октябре 1917 г. большинство членов советов и комитетов не принадлежало ни к какой политической партии. Показательно, что и впоследствии, во время Гражданской войны и коллективизации, большевики умело использовали конфликт поколений, предлагая свой язык для идеологизации этого конфликта.

Разумеется, ситуация «двоевластия» и «многовластия» возникает не при каждом политическом кризисе. Но можно уверенно предсказать, что кризис, во-первых, будет важным инструментом массового политического воспитания, а, во-вторых, на ход кризиса окажет огромное воздействие политическая культура нового поколения жителей России. Скорее всего конфликт поколений и будет оформлен как конфликт поколений. И дело не только в том, что действующий президент достиг пенсионного возраста (возраст политический порой не совпадает с возрастом биологическим). Особенности политики современного режима и его репрезентации обуславливают то, что он все более воспринимается как «старый режим».

Очевидно, что значение молодежи в грядущих конфликтах осознается в различных коридорах власти — появилось немало молодежных организаций, ею поддерживаемых. Но опыт последних лет показывает, что «старшие товарищи» не готовы уступить дорогу молодым, соответствующие механизмы ротации отсутствуют.

К тому же нарушение правил игры оказывает большое влияние на процессы воспитания политиков завтрашнего дня.

Многие вообще перестают интересоваться политикой, они разочарованы в выборах без выбора. В долгосрочной перспективе это представляет большую опасность: люди, с энтузиазмом проходящие политическое воспитание не в относительно «мирные» периоды, а в условиях радикального политического кризиса, становятся весьма своеобразной политической элитой.

В то же время отказ от правил политической игры проявляется и в радикализации политизированной молодежи. Язык революции очень подходит для оформления конфликта поколений, и каждое поколение мечтает о своей революции, о своем преодолении культуры стариков. Строить баррикады кажется гораздо более интересным занятием, чем строить гражданское общество. Девушки не любят молодых людей, всегда соблюдающих правила. Молодые люди не любят, когда им навязывают правила. Особенно молодые люди не любят тех, кто, навязывая правила, сам их нарушает.

Историки, рассуждая о причинах революции, называют незавершенную модернизацию, болезненную урбанизацию, противоречивую секуляриза-

цию... Они пишут об общинной традиции и о кризисе империи, о несостоявшихся реформах и страшном воздействии Первой мировой войны.

Но нельзя забывать и о другом важнейшем факторе. На протяжении десятилетий в России развивалась революционная традиция. Тысячи молодых людей, увлеченных политикой, но отрезанных от политической жизни, создавали символы и ритуалы, которые оформляли различные экономические, социальные и политические конфликты. Это политическое творчество, создававшее развитую культуру политического протеста, привело к тому, что разнообразные, порой разнонаправленные конфликты слились в единый поток грандиозной революции.

Охранители великой Российской империи искренне старались защитить государственность, предотвращая «вредную политику». Но неспособность интегрировать в политическую жизнь массы честолюбивых и креативных людей приводила к их политической радикализации.

Осторожные консерваторы были лучшими воспитателями пламенных революционеров.

Германская модель

Может ли Россия в результате борьбы за демократию выйти на новый виток развития авторитаризма? Или еще хуже — построить националистический тоталитарный режим? Об опасности такого поворота сегодня говорят все чаще, подчеркивая, что путинский режим — это далеко не худшее из того, что может грозить нашей слабой демократии. И впрямь, Путин не худший вариант из возможных. Но велика ли вероятность неприятных альтернатив?

Можно ли пройти от плохого к худшему?

Классический пример движения через демократию к тоталитаризму — это Веймарская Германия, т. е. демократическая республика, установившаяся после гибели кайзеровской империи в 1918 г., но породившая в 1930-х гг. гитлеризм. Третий рейх отринул даже те элементы демократии и толерантности, которые имелись в политической конструкции Второго рейха. Не получим ли мы на волне протестного движения «Веймарскую Россию» (термин известного историка Александра Янова), которая постепенно растеряет то позитивное, что есть еще в России путинской?

При ответе на этот вопрос надо принять во внимание, что гитлеризм вырос не из веймарской демократии как таковой. В основе Третьего рейха лежали две важные черты кайзеровской империи, которые в демократиче-

ский период подверглись воздействию ряда дополнительных неблагоприятных обстоятельств.

Первая важнейшая черта — это доминировавшее в интеллектуальных кругах представление об особом немецком пути. О том, что Германия выше своих западных соседей и, следовательно, не станет повторять их путь к бездуховному и бесчеловечному капитализму.

Сегодня Германия для нас является чуть ли не символом западной цивилизации — трудолюбивой, рыночной, демократической, умеющей считать деньги и голоса, а потому нам трудно себе представить, что именно немцы в наиболее жесткой форме отторгали когда-то западные ценности. Тем не менее это так.

Немцы противопоставили свое понятие «культура» англо-французскому представлению о цивилизации. Культура — это классическая германская философия, романтическая германская поэзия, проникновенная германская музыка, отеческая забота германского кайзера о своем народе и особый народный дух, формирующий на этой основе. Цивилизация — это культ денег, бездуховность, эксплуатация, деление мира на богатых и бедных, свободная торговля, а также демократия, цинично прикрывающая несправедливое общество демагогическими рассуждениями о равенстве возможностей. Словом, все то, что так распространено в Англии, Франции, Бельгии, Нидерландах.

Сегодня все это назвали бы американизацией, но тогда далекая Америка еще не была символом всего плохого, а находящиеся по соседству (за Рейном и Ла-Маншем) страны представляли собой весьма удобный объект для сравнения.

Надо специально отметить, что подобные представления не были уделом одних лишь «лавочников», которые согласно нашей марксистской традиции объявляются социальной базой фашизма. Отторжение демократии и надежды на построение более справедливого общества под патронатом кайзера сквозили в речах и текстах лучших писателей, ученых, политиков Второго рейха. Например, Томас Манн в годы Первой мировой войны написал книгу «Рассуждения аполитичного», полностью пронизанную философией особого германского пути.

Второй важнейшей чертой кайзеровской империи было стремление верхов построить патерналистское общество, которому не слишком нужна демократия. Железный канцлер Отто фон Бисмарк «спустил сверху» первую в мире систему социального страхования, и немцам, таким образом, не надо было бороться за свои экономические права, используя демократические институты. Обратной стороной системы социального страхования стало государственное покровительство монополизму, что позволяло бизнесу увеличивать доходы и отстегивать некоторую часть из них на обеспечение гарантий трудящимся.

Блага, полученные сверху, снижали общественный интерес к парламентаризму. Рейхстаг, правда, оставался местом для дискуссий, но все практические вопросы решались в кабинетах чиновников, а не в зале для голосования. Соответственно, бизнес с каждым годом все более скептически смотрел на необходимость поддержки политических партий и все более интенсивно устанавливал прямые связи с бюрократией, от которой зависело принятие решений.

Таким образом, в кризисные моменты Веймарской республики в головах у многих немцев всплывало воспоминание о «прекрасной эпохе», когда экономика развивалась, благосостояние росло, соседи трепетали при мысли о германской армии, а демократия не играла никакой роли.

Нетрудно заметить, что ситуация в сегодняшней России похожа на происходившее в кайзеровской Германии. Многие интеллектуалы у нас культивируют теорию «особого пути» России, при этом не подозревая, что представление об особости характерно для многих народов Европы (не только для немцев и русских). Демократия в глазах широких масс изрядно скомпрометирована. Парламентаризм не рассматривается в качестве эффективного способа решения проблем и даже если пользуется уважением, то скорее в виде «игрушки» для интеллектуалов, которая, может, когда-нибудь и сработает, но не в ближайшее время. Прагматичный бизнес знает, что надо дружить с чиновниками, только так можно решать сиюминутные вопросы.

Впрочем, есть и существенные отличия, связанные с разницей эпох. Прошедшие 100 лет мир не стоял на месте. Вплоть до конца Второй мировой войны либеральная демократия рассматривалась в качестве лишь одного из возможных путей развития. Марксизм, фашизм, радикальный национализм, каудильизм активно конкурировали с ней, причем никто не мог толком сказать, каков будет итог этой конкурентной борьбы, какая система даст счастье народу. Но во второй половине XX в. элиты всего мира постепенно признали, что демократии нет альтернативы. И аргументы против нее у сторонников авторитаризма почти всюду сводятся к тому, что народ наш, мол, пока незрел, а потому до наступления зрелости мы будем использовать демократию суверенную, контролируруемую или какую-то еще. Искренние недемократические иллюзии (вроде тех, что были у Томаса Манна) среди образованных людей встречаются все реже.

Проще говоря, в современной России разного рода лидеры, конечно, готовы манипулировать массами с целью не допустить реальной демократизации, но при этом элиты в целом отчетливо понимают опасности появления новых фюреров, вождей, дуче или каудильо. Отдельные лица и группировки рады будут прийти к власти, пудря мозги обывателю «великими идеями», извлеченными с пыльного чердака, однако получить такую поддержку элит,

какую в свое время получил гитлеризм, они вряд ли смогут. И это в той или иной мере затруднит разрушение демократии новыми авторитарными лидерами.

Как распадается демократия

Помимо фундаментальных причин распада демократии были еще и конъюнктурные обстоятельства, проистекавшие не столько из характера кайзеровской империи, сколько из европейской политической жизни, сложившейся после Первой мировой войны.

Главным обстоятельством традиционно считается Великая депрессия — глубокий и длительный экономический кризис, поразивший мир в начале 1930-х гг. Люди теряли работу, беднели, нищали и в результате все больше симпатизировали радикалам, ставившим рынок под контроль государства. Число голосов, отдаваемых за национал-социалистов на выборах в рейхстаг, резко возросло буквально сразу же после начала кризиса. К 1933 г. оно более чем удвоилось, что позволило нацистам сформировать правительство. А оказавшись у власти, Гитлер милитаризировал экономику, ввел контроль над зарплатами и ценами, создал новые рабочие места и приобрел в итоге имидж «эффективного менеджера».

Будет ли в современной России экономический кризис, способный склонить симпатии миллионов к популистам-государственникам, предугадать невозможно. Однако объективные предпосылки для негативных явлений, сопоставимых по масштабу с Великой депрессией, у нас, увы, имеются. Сильная зависимость экономики от цен на нефть грозит в случае ухудшения конъюнктуры рынка энергоносителей сильным падением ВВП и реальных доходов.

В 2009 г. мы под давлением плохой конъюнктуры рухнули почти на 8%, правда, быстро поднялись. Сможет ли Россия столь же быстро оправиться после второй волны кризиса? Вряд ли. Особенно если эта волна будет связана не только с проблемами ипотечного рынка в США, а с нерешенностью фундаментальных проблем современной экономики.

Вторая проблема Германии времен Великой депрессии состояла в том, что симпатии к агрессивным националистам проистекали из того национального унижения, которое страна претерпела в результате поражения в Первой мировой войне, с последовавшей за этим оккупацией Рурской области и требованием выплаты столь крупных репараций, что они оказались немцам не по силам.

Унижение было демонстративное и с экономической точки зрения совершенно бессмысленное, поскольку для того, чтобы поднять экономику и выплачивать хоть какие-то суммы, Германия должна была, как минимум,

контролировать Рур с его угледобычей и металлургией. Западным державам следовало либо расчленять Германию, но не требовать денег, либо требовать разумные суммы и при этом не расчленять. Однако политики решали свои сиюминутные задачи и не думали о перспективе, что обернулось в 1930-х гг. беспрецедентным по силе германским реваншизмом. Идея возрождения великой державы была воспринята на ура.

Подобных проблем в современной России нет. Тем не менее фрустрация, связанная с событиями последних десятилетий, у многих людей присутствует. Есть чувство, что мы были великой державой, что мы проиграли холодную войну, что мы обнищали после поражения, что НАТО проникает на «наши» территории в Восточной Европе, Прибалтике, Грузии.

В свете конспирологических теорий, привлекательных своей незамысловатостью, возникает вывод: раз мы обеднели, значит, враги наши от этого выиграли. Кто выиграл и как — неясно. Репараций мы вроде бы не платили (хотя уже нашлись чудики, посчитавшие размещение Стабфонда в американских ценных бумагах, подобными репарациями). Но чувство несправедливости происходящего есть у многих.

Вряд ли это чувство приведет к откровенному агрессивному реваншизму. В России начала XXI в., в отличие от старой Германии, сформировалось неидеологизированное общество потребления. Все хотят пива, футбола и связанного с этим футбольно-пивного патриотизма. Но мало кто хочет милитаристской власти типа гитлеровской, которая призвет воевать. И все же пореформенная фрустрация общества дает популистам определенный шанс.

Третья важнейшая проблема Германии 1930-х состояла в раздробленности тех сил, которые теоретически могли бы противостоять национал-социализму. Гитлеровская партия даже в 1933 г. не обладала абсолютным большинством. А на выборах 1932 г. она вообще имела лишь около трети голосов избирателей. Если бы национал-социализм воспринимался обществом в качестве первостепенной угрозы, то Гитлеру намного сложнее было бы прийти к власти. Однако в то время отношение к правому экстремизму было иным, нежели сейчас, поскольку Европа еще не прошла через трагический опыт Второй мировой войны, тоталитаризма и геноцида. Традиционные противоречия демократов, социал-демократов и коммунистов мешали образованию единого антигитлеровского фронта.

В XXI в. на Западе отношение к данной проблеме иное. Крайне правых обычно совокупными усилиями маргинализируют. Однако в России модным становится неприятие западных стандартов. Поэтому нельзя исключить того, что в кризисной политической ситуации российское общество может прореагировать в духе 30-х гг. прошлого века.

Особенно тревожит в этом смысле углубляющийся раскол власти и общества. Кремль с каждым новым поворотом политических событий плодит

все больше обиженных, разочарованных, озлобленных людей. Причем преимущественно в элитах, т. е. в тех слоях, которые должны быть гарантами сохранения политической системы, позволившей им преуспеть. У кого-то отняли бизнес, к кому-то пришли с обыском, а кто-то просто раздражен тем, что с его мнением демонстративно не считаются.

Мы постепенно движемся к ситуации, при которой внутренние противоречия оппозиции могут оказаться незначимыми в сравнении со всеобщей ненавистью к власти. И если в подобной ситуации среди оппозиционеров станут доминировать радикалы, вероятность катастрофического сценария резко возрастет.

Впрочем, все вышесказанное демонстрирует, что распад Веймарской республики потребовал сочетания целого ряда неблагоприятных обстоятельств — экономических, политических, международных. Подобная комбинация является скорее исключением, чем правилом. В межвоенный период с его экономическими трудностями, фрустрацией и соревнованием «великих идей», презирующих буржуазную демократию, проблема стояла чрезвычайно остро. «Бегство от свободы», если воспользоваться знаменитым выражением Эриха Фромма, было характерно отнюдь не только для Германии. Авторитаризм давил демократию в целом ряде стран. Где-то мирными методами, где-то с помощью переворотов, а где-то посредством гражданской войны.

Однако с тех пор в Европе подобного обострения ситуации не бывало. Возможно, и не будет. Хотя, если какой-то экономический кризис окажется сопоставим по масштабам с Великой депрессией, не исключены печальные последствия.

Как появляется фюрер

И, наконец, мы поговорим о роли субъективного фактора в установлении тоталитарного режима. Далеко не каждый политик может претендовать на то, чтобы стать покорителем многомиллионных масс. Современным российским лидерам — как из числа представителей власти, так и из рядов оппозиции — не стоит думать, будто в кризисный для России момент они смогут легко возобладать над мятущейся толпой. Для этого нужны особые свойства личности вождя и особый характер его общения со слушателями. Во всяком случае, пример германского фюрера говорит именно об этом.

Гитлер обладал рядом черт, определявших характер его деятельности.

Первая черта — фюрер был абсолютно помешан на власти, он страстно жаждал ее, он выстроил всю свою жизнь так, чтобы рано или поздно ее добыть. Наверное, в значительной степени это желание определялось тем, что в молодости он потерпел крах, пытаясь стать знаменитым художником, а

потому с годами старался компенсировать неудачи, доказывая себе самому и обществу в целом свою неординарность, свою гениальность.

Данный момент важно иметь в виду, чтобы понимать, какой человек может стать вождем фрустрированной толпы. Скорее всего это не мыслящий рационально политик, методично соотносящий плюсы и минусы своих действий. И это не успешный представитель элит, у которого в жизни помимо политики есть хороший дом, площадка для гольфа, дорогостоящие путешествия и прочие развлечения. Народный вождь — это маргинал, который все ставит на карту и так жаждет успеха, что поглощающая его страсть передается внимающей ему аудитории.

Гитлер поднялся из низов и обошел в гонке за власть многих политиков, которые, казалось бы, имели значительно лучшие, чем он, стартовые условия. Эти солидные гитлеровские конкуренты тоже готовы были использовать для обретения поддержки общества трудности экономического кризиса и нарастающие реваншистские чувства. Но они не обладали тем драйвом, который отличал Гитлера, и в итоге проиграли, несмотря на все свои рациональные соображения.

Вторая черта — Гитлер не только не полагался на рациональные соображения при общении с массами, а принципиально их избегал. В трудный для общества период он не предлагал сложных решений, не предлагал осознать неизбежность жертв, не предлагал объективно стоящий выбор между плохим и худшим. Гитлер внушал оптимизм, фантазировал, самозабвенно врал, обещал невозможное. И делал это достаточно умело, чтоб невозможное казалось возможным восपालенным умам внимающей ему толпы.

Более того, Гитлер вообще старался переводить разговор из рациональной сферы в иррациональную. От насущных экономических проблем — к рассуждениям о величии нации, национальной гордости, смысле существования народа и т. д. Чем безнадежнее казались для обывателя актуальные проблемы, тем лучше он реагировал на такого рода разворот тематики.

Фюреру очень хорошо удавались подобные рассуждения, поскольку он считал себя не политиком, не лидером одной из партий, не кандидатом в канцлеры, а выдающимся борцом всемирной схватки добра и зла. Он жаждал глобальной победы над силами тьмы в лице коммунизма, еврейства и т. д. Неудивительно, что при такой вере в свое предназначение Гитлер умел ярко и убедительно выступать перед массами. Вождь не играл на сцене в величие, он им действительно жил.

Третья черта — Гитлер ни в чем никогда не обвинял свой народ, тот народ, от которого ему нужно было получить поддержку. Гитлер формировал у толпы иллюзорное впечатление, будто страна окружена множеством врагов и соответственно во всех бедах виноваты именно они. Людям нравился подобный подход, а поскольку и впрямь противники Германии в недавней

войне много сделали для того, чтобы сильно осложнить жизнь немцев, гитлеровская демагогия воспринималась с энтузиазмом.

Сегодня, правда, степень толерантности общества совсем не та, что была в 1930-х. Кое-что из гитлеровского идейного арсенала уже никак не пройдет. Однако в обществе, где межэтнические противоречия становятся все острее, националистически ориентированный политик-популист всегда найдет «врагов». И самое главное — любая провокация может обострить националистические чувства масс именно в тот момент, когда это понадобится для политической борьбы.

Четвертая черта — способность Гитлера пробуждать энтузиазм толпы во время публичных выступлений. Способность эта определялась не только тем, о чем он говорил, но и тем, как он говорил. Оратор вступал со слушателями в особую связь, со страстью господствовать над людьми и быть ими любимым. Недаром он называл массу своей «единственной невестой». Биограф Гитлера отмечает, что «магнитофонные записи того времени ясно передают своеобразную атмосферу непристойного массового совокупления, царившую на тех мероприятиях: затаенное дыхание в начале речи, резкие короткие вскрики, нарастающее напряжение и первые освобождающие вздохи удовлетворения, наконец, опьянение, новый подъем, а затем экстатический восторг как следствие наконец-то наступившего речевого оргазма, не сдерживаемого уже ничем».

Свои выступления фюрер стремился назначать на вечернее или даже ночное время, чтобы погрузить людей в особую романтическую атмосферу. Десятки тысяч готовы были ждать Гитлера часами, чтобы потом погрузиться в экстаз совокупления с любимым вождем.

Сегодня, правда, митинг уже не играет той роли в деле мобилизации масс, которую играл во времена Гитлера. Сегодня все решает телеэкран. А в телевизионном пространстве — иная энергетика, иной контакт между политиком и зрителем.

Тем не менее можно вспомнить, как быстро Владимир Жириновский сумел поставить под свой контроль миллионы избирателей, как только получил доступ к телеэфиру в ходе парламентской кампании 1993 г. Ему хватило буквально нескольких выступлений для того, чтобы собрать наибольшее число голосов по партийным спискам.

Сегодня доступ к телеэкрану жестко контролируется, а без него политик-популист не имеет шансов стать известным миллионам избирателей. В этом главное отличие наших дней от эпохи Гитлера. Но стоит режиму ощутимо ослабнуть, как ослабнет и контроль за «ящиком». Произойти это может на волне серьезного экономического кризиса, когда испытанные авторитарные методы надзора за всеми сферами жизни, в том числе телевидением, уже не смогут работать по-старому. Именно в тот момент появится реальный шанс

у сильных популистов, поскольку сдерживает их не столько изменившееся по сравнению с гитлеровскими временами общество, сколько обычный административный барьер, вызывающий все большее неприятие самых разных людей. В том числе и тех ответственных, рационально мыслящих политиков, которые быстро уступят демагогам в открытой конкурентной борьбе идей.

Заключение: семь уроков для современной России

Вопрос о том, почему в одних обществах политические кризисы протекают болезненнее, чем в других, и почему последствия этих кризисов различаются в разных государствах, стоит перед специалистами еще с античных времен. Наш краткий обзор не ставил целью дать на него исчерпывающий ответ. Для нас важнее другое. Какие уроки из зарубежного и отечественного опыта преодоления политических кризисов могут оказаться востребованными правящими группами, оппозицией и общественностью в сегодняшней России? На наш взгляд, таких уроков несколько.

Первый урок. Хотя кризисы нельзя предугадать и редко удается предвидеть, к ним лучше готовы те режимы, правящие группы которых не только ставят перед собой задачу успешного развития страны, но и способны оперативно и гибко реагировать на «тревожные звонки», сигнализирующие о неудаче их политики (Бразилия, Южная Корея). А для тех режимов, правящие группы которых превращают сохранение прежнего статус-кво в самоцель и отказываются проводить назревшие политические реформы (как в царской России или в СССР эпохи Брежнева), исход кризисов может оказаться куда трагичнее и вылиться в революцию или в распад государства.

Второй урок. Политические перемены не происходят сами собой — они возникают под давлением спроса со стороны граждан. Этот спрос часто возрастает на фоне экономических кризисов и/или войн (Германия, Польша, царская Россия), но порой становится следствием успешного экономического роста (Мексика, Бразилия, Южная Корея). Правящие группы способны отложить этот процесс, либо прибегая к репрессиям (военное положение в Польше, подавление восстаний в Южной Корее), либо покупая лояльность общества (как в той же Мексике). Но рано или поздно общественный спрос на перемены делает неизбежной смену правящих групп, а если не помогает и она, то смена всего политического режима становится лишь вопросом времени.

Третий урок. Исход политических кризисов зависит не только от внешних факторов — таких, как уровень экономического развития или влияние международной среды. Он зависит от тех шагов, которые в ходе кризисов

предпринимают и правящие группы, и оппозиция. Если оппозиция в той или иной стране не просто пользуется поддержкой общества, а способна к тому, чтобы вести согласованные действия и искать варианты компромисса с правящими группами, которые сами понимают необходимость перемен, то тогда вполне возможен вариант мирной смены режима (Бразилия, Польша). Если же различные сегменты оппозиции разобщены и крайне поляризованы, поиски компромиссов заводят в тупик, а правящие группы отказываются от диалога, то на сцену подчас выходят хорошо организованные радикалы, предлагающие простые и насильственные решения проблем страны (Россия в 1917 г. или Германия в 1933 г. могут служить печальными примерами).

Четвертый урок. Хотя, как правило, демократии успешнее справляются с кризисами, нежели авторитарные режимы, опыт Веймарской Германии говорит нам о том, что так происходит не всегда. Если демократия оказывается не способна решать важнейшие проблемы страны, общество может от нее отвернуться и поддержать приход авторитарного режима. Но и сами авторитарные режимы также отличаются друг от друга. Однопартийный режим в Мексике смог создать такие правила игры, которые не позволяли на долгое время сосредоточить власть в руках одной и той же правящей группы, что привело бы страну к застою типа позднесоветского. Более того, смена мексиканского режима прошла по этим же правилам. В Бразилии военный режим оставлял для части оппозиции узкое окно возможностей, позволявшее ей участвовать в политическом процессе (тем самым снизив связанные с кризисом риски). А в царской России и в позднем СССР правящие группы систематически отталкивали от себя общественность, и в результате в ходе кризисов прежние режимы рухнули внезапно и бесповоротно.

Пятый урок. Если смены режимов происходят мирно, то представители прежних правящих групп подчас вполне успешно переживают политические кризисы и вновь могут прийти к власти уже по новым правилам игры. Так происходило и в Южной Корее, и в Польше после «круглого стола», и в Мексике. Там же, где кризисы и смены режимов сопровождаются политическим насилием (царская Россия, СССР, Германия), они обычно надолго, если не навсегда лишаются поддержки в обществе.

Шестой урок. Политические кризисы зачастую бывают длительными и носят циклический характер, то затухая на некоторое время, то разгораясь вновь. Выход из таких кризисов обычно носит затяжной характер. На этом пути возможны и тупики (такие, как военное положение в Польше), и топтание на месте (застой в СССР), и шараханья от одних крайностей к другим. Если страну поразил глубокий политический кризис, то, как и при тяжелом недуге, не стоит рассчитывать на быстрое и легкое выздоровление, но не следует и опускать руки, принимая болезнь за неизлечимую патологию организма. Беда в том, что если болезни политического характера не

лечить вовремя, то наступает летальный исход, о чем говорит печальный опыт СССР.

И, наконец, седьмой — последний и, пожалуй, самый важный урок.

Авторитарные режимы способны долго сохранять политическое равновесие, которое, по словам американского политолога Адама Пшеворского, может держаться на лжи, страхе или экономическом процветании. Одни автократии сменяются другими, порой даже более жесткими (как советский режим, пришедший на смену царскому). Но рано или поздно наступает момент, когда такое равновесие уже не сохранить. Этот момент может наступить и в силу того, что страна достигла определенного уровня социально-экономического развития, и оттого, что для ее граждан более привлекательным выглядит политический режим других стран, да и потому, что в политике и в обществе происходит смена поколений, при которой новые игроки не хотят играть по старым правилам.

На наш взгляд, такой момент наступил или вскоре наступит в сегодняшней России — об этом говорят те политические процессы, которые наблюдаются после 2011 г. И от того, какой выбор в ситуации возможного (хотя и отнюдь не неизбежного) политического кризиса сделают российские правящие группы, оппозиция и общество в целом, элементы каких моделей будут обладать, во многом будет зависеть будущее нашей страны на долгие годы, а то и десятилетия.

В. Я. Гельман, Н. А. Добронравин, Б. И. Колоницкий, Д. Я. Травин

Политический кризис в России: модели выхода

В авторской редакции

Корректор — М. А. Баранникова

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 10.10.12
Формат 60x88 1/16. Тираж 100 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук В.Я. Гельман